

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Древне-русскія путешествія по святымъ мѣстамъ“, подъ девизомъ: „Verba volant, scripta manent“.

Сочиненіе состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Въ предисловіи авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію древне-русскаго паломничества. Въ первой части дѣлается обзоръ памятниковъ паломнической литературы, и эта часть подраздѣляется на четыре главы. Въ первой главѣ говорится о преобладаніи въ хожденіяхъ религіознаго элемента, о восторженномъ настроеніи паломниковъ и о глубокой вѣрѣ ихъ въ святость описываемыхъ мѣстъ. Во второй главѣ говорится вообще о предметахъ описаній. Въ третьей главѣ сдѣланъ подробный сравнительный обзоръ описаній предметовъ въ Іерусалимѣ и Палестинѣ. Въ четвертой главѣ разсмотрѣны описанія Египта, Синая, Цареграда и Аона.

Во второй части разсматриваются описанія путешествій, какъ памятники литературные. Эта часть подраздѣляется на три главы. Въ первой главѣ разсматриваются описанія, какъ памятники правоучительные и удовлетворяющіе любознательности древне-русскихъ людей. Во второй главѣ разсмотрѣнъ апокрифическій элементъ описаній въ связи съ апокрифическими сочиненіями. Въ третьей главѣ разсмотрѣны легендарные рассказы описаній и показано отношеніе апокрифическаго и легендарнаго элементовъ къ духовнымъ стихамъ.

Недостатки сочиненія слѣдующіе:

1. Въ предисловіи недостаетъ указанія и характеристики пособій, которыми пользовался авторъ.

2. Въ томъ же предисловіи не указано, изъ какихъ изданій памятниковъ дѣлаются цитаты.

3. Въ первой части нѣтъ хронологическаго обзора памятниковъ. Вслѣдствіе отсутствія такого обзора послѣдующее изложеніе представляется иногда не совсѣмъ яснымъ и послѣдовательнымъ. Памятники, которые разсматриваются въ сочиненіи, относятся къ XII, XIV, XV, XVI и XVII вѣкамъ. Въ этотъ продолжительный періодъ времени происходили измѣненія въ предметахъ описаній, или въ одномъ столѣтіи эти предметы были, а въ другомъ ихъ уже не было. Въ хронологическомъ обзорѣ слѣдовало бы показать и отношеніе позднѣйшихъ составителей описаній къ древнѣйшимъ. Мало обращая вниманія на хронологію, авторъ иногда выражается не точно; напр. „Даніиль (пис. XII в.) согласно съ Позняковымъ и Коробейниковымъ (пис. XVI в. указываетъ здѣсь мѣсто пророка Захаріи“.

4. Во второй части встрѣчаются противорѣчія: на стр. 181 говорится, что авторы описаній апокрифическія свѣдѣнія заимствовали не изъ книгъ, а изъ разсказовъ, а на стр. 212 говорится, что апокрифическія сказанія вызывались воспоминаніемъ о какомъ нибудь священномъ мѣстѣ, т. е. что авторы вносили ихъ въ свои описанія не по разсказамъ путевода, какъ Даніиль, а они знакомы были равнѣе съ апокрифами.

5. Въ языкѣ сочиненія часто употребляются иностранныя слова, безъ которыхъ легко можно было обойтись, и встрѣчаются шероховатости въ слогахъ.

Не смотря на эти недостатки сочиненіе представляетъ довольно стройный сравнительный обзоръ паломнической литературы, оно подробно знакомитъ съ предметами описаній у писателей. Въ сочиненіи показано отношеніе этой литературы къ другимъ древне-рускимъ памятникамъ, и хожденія по св. мѣстамъ поставлены въ тѣсную связь съ послѣдними по духу и направленію. Во второй части довольно обстоятельно разобранъ апокрифическій элементъ описаній и отношеніе его къ апокрифамъ, легендарнымъ разсказамъ и духовнымъ стихамъ.

Сочиненіе, по моему мнѣнію, заслуживаетъ похвалы и автора слѣдовало бы наградить серебряною медалью.

Проф. А. Смирновъ.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи, удостоенномъ серебряной медали, на тему: „Сводъ извѣстій объ отношеніяхъ Руси и Литвы съ X вѣка до 1300 года“, подъ девизомъ: „И нынѣ, оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените“.

Работа точно вполнѣ отвѣчаетъ на предложенную тему. Этимъ опредѣляется ея достоинство. Сводъ составленъ по всеѣмъ печатнымъ лѣтописямъ (кромѣ „лѣтописца Переяслава Суздальскаго“, не имѣющагося въ университетской библіотекѣ), причѣмъ приняты во вниманіе не только сводные печатные тексты, но и варианты, отмѣченные въ примѣчаніяхъ; кромѣ лѣтописей въ сводъ вошли извѣстія Татищева и Генриха Латыша.

Работа представляетъ статистически точную характеристику русско-литовскихъ отношеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно бы желать болѣе опредѣленной критики текстовъ и болѣе точнаго обозначенія отношеній однородныхъ извѣстій другъ къ другу. Но и въ настоящемъ видѣ работа заслуживаетъ полнаго одобренія. Авторъ построилъ не только твердое основаніе для своихъ будущихъ занятій, но его работа можетъ имѣть значеніе справочнаго научнаго пособія, если бы онъ не отказался дополнить ее извѣстіями польскихъ хронистовъ. Въ такомъ случаѣ работа заслуживала бы быть напечатанной въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, о чемъ, въ случаѣ согласія автора, честь имѣю ходатайствовать. Признаю вполнѣ достойнымъ золотой медали.

Экстр. орд. проф. И. Филевичъ.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Исслѣдовать связь между тепловыми и свѣтовыми свойствами кристалловъ“, подъ девизомъ: „Слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются“.

Представленное сочиненіе распадается на двѣ части: общую, въ которой авторъ излагаетъ сдѣланное въ этой мало обработанной области до настоящаго времени, и спеціальную, куда вошли новые опыты и измѣренія, сдѣланныя имъ. Задача сводилась не къ изслѣдованію всѣхъ термическихъ и оптическихъ свойствъ вообще, а главнымъ образомъ къ опредѣленію взаимнаго положенія эллипсоидовъ, выражающихъ

въ кристаллахъ различной симметріи скорость распространенія свѣта и тепла, по возможности и эллипсоида поглощенія различныхъ лучей спектра, выведеннаго Рамзаемъ и другими. Авторъ приступилъ къ рѣшенію задачи этой достаточно подготовленнымъ, ознакомившись добросовѣстно съ касающейся этихъ вопросовъ литературой и отнесся къ различнымъ примѣненнымъ раньше методамъ критически, остановившись на самомъ точномъ методѣ Рентгена, который и примѣненъ былъ при его измѣреніяхъ эллипсоидовъ термической проводимости. Авторомъ изслѣдованы были кристаллы всѣхъ системъ, за исключеніемъ правильной, не представляющей особеннаго интереса потому, что изотермическая поверхность въ нихъ, также какъ и поверхность оптической упругости выражается въ нихъ шаромъ. Изъ кристалловъ системы квадратной изслѣдованы таковыя оловяннаго камня; изъ гексогональныхъ: пироморфитъ, кальцитъ, турмалинъ и кварцъ; изъ ромбической: арагонитъ. Наибольшій интересъ представляли кристаллы съ низкой симметріей системъ моно-и ассиметрической. Изслѣдованы изотермическія кривыя и положеніе ихъ относительно кристаллографическихъ и оптическихъ постоянныхъ: Эпидотъ, Адуляръ (ортоклазъ), Ортоклазъ, Дура, Авзитъ; илаіюклазъ, микроклинъ (амазонскій камень), альбитъ, олизоклазъ, лабрадоръ, кіанитъ, а также и левцитъ (псевдосимметрія прав. системы). Изъ опытовъ, выяснилось, что 1) предположенія и теорія Жаннета (Jannetaz) относительно связи спайности и теплопроводимости кристалловъ не имѣетъ всесторонняго значенія и не подтверждается во всѣхъ случаяхъ; 2) что связи между положеніемъ изотермическаго и оптическаго эллипсоидовъ въ системахъ низкой симметріи нѣтъ, по крайней мѣрѣ она не можетъ быть простою. Это результатъ важный и новый; къ тому же выводу приходитъ авторъ относительно положенія абсорбціоннаго эллипсоида. Результаты автора иллюстрируются проекціями и таблицей фотографій изотермическихъ кривыхъ. Что касается измѣреній, то они заслуживаютъ полнаго довѣрія; приведена авторомъ также возможная ошибка отдѣльнаго измѣренія и средняго вывода. Для этого ему необходимо было ознакомиться съ опредѣленіемъ ошибокъ по способу наименьшихъ квадратовъ. При изслѣдованіи по этому способу величинъ, сопоставленныхъ авторомъ въ таблицахъ, можно убѣдиться, что числа, данныя имъ, вполне пригодны и измѣренія достигаютъ возможной при данномъ методѣ точности, достаточной для цѣлей автора. Изложеніе автора ясное и видно, что онъ уяснилъ себѣ вопросы, о которыхъ говоритъ. Языкомъ авторъ владѣетъ вполне хорошо. Иногда можно однако подмѣтить нѣкоторыя шероховатости въ стилѣ и, кромѣ того, авторъ слѣдуетъ дурной привычкѣ, впрочемъ не у него одного находимой, приводя иностранныя имена и названія минераловъ не русскимъ прифтономъ.

Что касается недостатков по существу, то можно было бы пожелать, чтобы авторъ развилъ нѣкоторые вопросы далѣе и обстоятельнѣе, такъ напримѣръ вопросъ о практическомъ примѣненіи изслѣдованія изотермическихъ кривыхъ къ опредѣленію минераловъ нѣкоторыхъ изоморфныхъ группъ. Несомнѣнно однако авторъ и безъ того потратилъ на свою работу очень много времени и труда. Не смотря на эти, несущественные для начинающаго недостатки работы, она дѣлаетъ довольно значительный новый матеріалъ относительно термическихъ свойствъ кристалловъ; авторомъ опровергается связь между оптическими и термическими свойствами въ вышеприведенномъ смыслѣ, рѣшается вопросъ о спайности и теплопроводимости; кромѣ того онъ даетъ матеріалъ и указываетъ на то, что методъ этотъ можетъ быть съ успѣхомъ примѣненъ къ опредѣленію плагіоклазовъ, притомъ очень удобному, и простому, слѣдовательно имѣетъ значеніе и практическое. На основаніи всего вышесказаннаго, имѣю честь предложить наградить автора этой работы золотою медалью и напечатать ее по надлежащей переработкѣ на счетъ университета.

А. Лагorio.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Эндопаразиты млекопитающихъ и птицъ Привислянскаго края“, подъ девизомъ: „Чѣмъ меньше какая либо черта строенія имѣетъ связи съ особенностями образа жизни, тѣмъ важнѣе становится она для классификаціи“.

Представленное на полученіе медали сочиненіе подъ девизомъ: „Чѣмъ меньше какая либо черта строенія и т. д.“ на тему: „Эндопаразиты птицъ и млекопитающихъ Привислянскаго края“ составляетъ изложеніе результатовъ изученія эндопаразитовъ, добытыхъ при вскрытіи 155 экземпляровъ домашнихъ и дикихъ птицъ и млекопитающихъ, принадлежащихъ къ 57 видамъ. Всего авторомъ найдено 43 вида эндопаразитовъ, принадлежащихъ къ 23 родамъ. Изъ нихъ 25 видовъ относятся къ плоскимъ червямъ, 17 къ круглымъ и 1 къ членистоногимъ животнымъ. Шесть изъ этихъ видовъ частію не были опредѣлены авторомъ, очевидно за неимѣніемъ подъ рукой полной литературы, частію же за неполнотою найденнаго матеріала. Четыре вида установлены авторомъ, какъ новые, при чемъ два изъ нихъ *Copresoma papillosum* и *Trichocephaloidis inermis* выдѣлены авторомъ въ особую группу *Ipofta noteniae*, заключающую два новыхъ рода *Copresoma* и *Tri-*

chocerphaloidis. Кромѣ этихъ видовъ большинство упоминаемыхъ въ сочиненіи видовъ нужно признать новыми для фауны Привислянскаго края.

Означенное сочиненіе представляетъ результатъ значительнаго труда, затраченнаго авторомъ на собираніе матеріала и на опредѣленіе его и содержитъ обстоятельныя описанія новыхъ формъ и группъ, а также тѣхъ видовъ, коихъ авторъ описываетъ, не рѣшаясь признать новыми. Къ недостаткамъ сочиненія нужно отнести во 1-хъ то, что авторъ въ дополнительныхъ описаніяхъ равнѣ установленныхъ видовъ мѣстами не достаточно рѣзко проводитъ черту между своими наблюденіями и наблюденіями прежнихъ изслѣдователей даннаго вида и во 2-хъ то, что нѣкоторые отряды птицъ и млекопитающихъ изслѣдованы не въ достаточномъ числѣ видовъ и экземпляровъ.

Въ виду всего вышеуказаннаго я полагаю, что вышеупомянутое сочиненіе слѣдуетъ признать достойнымъ награжденія серебряной медалью.

Проф. Н. Насоновъ.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи на тему: „О числѣ заключенныхъ въ данной области корней совокупныхъ уравненій“, подъ девизомъ: „Felix est, qui potest rerum cognoscere causas“.

Въ 1869 году въ мемуарѣ, озаглавленномъ „Ueber Systeme von Functionen mehrer Variabeln“¹⁾, знаменитый нѣмецкій математикъ Кронекеръ ввелъ новое понятіе названной имъ характеристики системы функцій и переменныхъ и затѣмъ, представивъ характеристику въ формѣ $(n-I)$ кратнаго интеграла, распространеннаго на границу, указалъ, что такой интегралъ представляетъ обобщеніе извѣстнаго интеграла Гаусса, разсмотрѣннаго имъ въ Art. 6 мемуара „Theoria attractionis corporum sphaeroidicorum ellipticorum“. Интегралъ Гаусса, какъ извѣстно, получается какъ частный случай изъ Гауссоваго выраженія дифференціального параметра второго порядка потенциала притяженія въ формѣ разности двухъ интеграловъ — объемнаго и интеграла, распространеннаго на поверхность²⁾, поэтому понятно почему Кронекеръ, получивъ выраженіе характеристики въ интегральной формѣ, перешо-

¹⁾ Monatsbericht der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin (1869).

²⁾ Gauss. Allgemeine Lehrsätze etc.

дять затѣмъ къ обобщенію потенціала притяженія на случай и переменныхъ и какойнибудь границы. Замѣтимъ здѣсь, что почти всѣ выводы Кронекера предложены въ его мемуарѣ безъ доказательствъ и только впервые въ 1884 году доказательства и систематическое изложение этихъ выводовъ появились на русскомъ языкѣ въ сочиненіи профессора Казанскаго университета А. В. Васильева, озаглавленномъ „Теорія отдѣленія корней системъ алгебраическихъ уравненій“. Отъ характеристики можно между прочимъ перейти къ числу корней совокупныхъ уравненій, заключенныхъ (корней) въ данной области и слѣдовательно къ представленію этого числа въ интегральной формѣ, подобно тому какъ число корней алгебраическаго уравненія, заключенныхъ въ данномъ контурѣ, представляется по Коши интеграломъ, распространеннымъ на контуръ, однако въ явной формѣ упомянутаго выше интегральнаго выраженія Кронекеромъ не получено. Пикарь обратилъ вниманіе ¹⁾, что характеристика Кронекера въ приложеніи ея къ системѣ и совокупныхъ уравненій съ n переменными и данной области n измѣреній представляетъ разность между числомъ корней, заключенныхъ въ этой области, для которыхъ извѣстный опредѣлитель положителенъ и числомъ корней, для которыхъ тотъ же опредѣлитель отрицателенъ. Основываясь на этомъ, Пикарь присоединяетъ къ данной системѣ уравненій нѣкоторое вспомогательное уравненіе, увеличиваетъ число измѣреній на единицу, выбираетъ извѣстнымъ образомъ область $(n+1)$ измѣреній и затѣмъ прилагаетъ интегральное выраженіе характеристики. Возвращаясь затѣмъ извѣстнымъ образомъ къ данной системѣ совокупныхъ уравненій и данной области n измѣреній, Пикарь получаетъ интегральную формулу въ видѣ суммы двухъ интеграловъ для числа корней, заключенныхъ въ данной области, для данной системы совокупныхъ уравненій. Обходя переписку Пикара съ Кронекеромъ, мы укажемъ только, что самъ собою являлся слѣдующій вопросъ: разъ интегральное выраженіе характеристики получается, какъ сказано въ началѣ, какъ частный случай обобщеннаго выраженія дифференціального параметра второго порядка потенціала притяженія, выраженія даннаго Кронекеромъ, естественно было предполагать, что формула Пикара для числа корней получится непосредственно, какъ частный случай изъ этой послѣдней формулы Кронекера.

Задавая настоящую тему, я и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ этотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго авторъ представленнаго медальнаго сочиненія къ сожалѣнію и не приступалъ. Только въ послѣднее время, а именно въ декабрѣ 1894 года, вопросъ этотъ рѣшенъ въ поло-

¹⁾ Liouville. Journa T. 8. année 1892.

жительномъ смыслѣ Вальтеромъ Дикомъ ¹⁾. Такимъ образомъ авторомъ разсматриваемаго медальнаго сочиненія не сдѣлано ничего самостоятельнаго, остается лишь изложеніе самого вопроса, поставленнаго въ темѣ. Это изложеніе составлено главнымъ образомъ на основаніи упомянутаго выше труда А. В. Васильева, мемуаровъ Кронекера и Пикара и обнаруживаетъ основательное ознакомленіе автора съ вопросомъ. Принимая же во вниманіе, что для такого ознакомленія авторъ долженъ былъ еще самостоятельно познакомиться съ нѣкоторыми частями анализа, не излагаемыми въ университетскомъ курсѣ и такимъ образомъ въ суммѣ потратилъ много труда, я имѣю честь ходатайствовать передъ факультетомъ о награжденіи автора медальнаго сочиненія съ девизомъ: „Felix est, qui potest rerum cognoscere causas“ почетнымъ отзывомъ.

Проф. Н. Зининъ.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „О правѣ распоряженія имуществомъ посредствомъ дареній и завѣщаній по русскому и французскому праву и важнѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ“, подъ девизомъ: „Repetitio est mater studiorum“.

Настоящее сочиненіе распадается на двѣ части. Какъ видно изъ вступленія къ первой части (стр. 13—19), эта первая часть назначена для разработки вопроса о личной дѣеспособности дарителя и завѣщателя, вторая—имѣеть предметомъ опредѣленіе границъ, въ какихъ дѣеспособное лицо можетъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ по дарственнымъ и завѣщательнымъ актамъ. Строго говоря, опредѣленіе содержанія каждой изъ двухъ частей сочиненія слѣдовало предпослать имъ обѣимъ, а не включать въ часть первую. Остальное содержаніе вступленія относится въ самомъ дѣлѣ къ вопросу о дѣеспособности и слѣдовательно принадлежитъ всецѣло къ первой части, но сдѣланныя въ немъ обобщенія не отличаются научною точностью и предусмотрѣнныя авторомъ преимущества избраннаго имъ плана разработки о дѣеспособности дарителя и завѣщателя не совсѣмъ подтвердились на дѣлѣ.

Согласно этому плану часть первая сочиненія раздѣлена на три отдѣла. Въ отдѣлѣ первомъ, носящемъ заглавіе: *Наличность воли*

¹⁾ Comptes rendus. T. 119. № 27. (31 Décembre 1894) p. 1254—1257.

(стр. 20—87) авторъ даетъ прежде всего опредѣленіе воли и болѣзненнаго ея состоянія—опредѣленіе впрочемъ слишкомъ обширное и не вполне отчетливое (§ 1),—затѣмъ останавливается на вліяніи физическихъ недуговъ, глухонѣмоты и слѣпоты, на способностяхъ имѣть и выражать волю по началамъ римскаго, русскаго, французскаго, германскаго и англійскаго права (§ 2) и наконецъ обращается къ подробному разсмотрѣнію значенія душевныхъ болѣзней въ римскомъ, русскомъ, французскомъ и прусскомъ правѣ, причемъ авторъ подкрѣпляетъ представляемыя имъ положенія ссылками на источники и литературныя пособія. Къ сожалѣнію въ этихъ положеніяхъ и подкрѣпляющихъ оныя ссылокъ допущены отчасти не маловажныя неточности. Итакъ, авторъ утверждаетъ (51 стр.), что перечисленіе разныхъ формъ умственнаго разстройства въ ст. 489 франц. улож. лишено юридическаго значенія, между тѣмъ, нѣсколько дальше (68 стр.) онъ указываетъ на ст. 491 с. с., въ которой опредѣлено различіе перечисленныхъ формъ съ юридической точки зрѣнія. Ссылка на книгу Цахаріа въ подтвержденіе различія между природною глухонѣмотою и тою, которая постигается лицо впоследствии—ошибочна. Равнымъ образомъ ссылка на ст. 378 т. X. ч. I-ой и ст. 512 с. с. не идетъ къ вопросу о юридическихъ дѣйствіяхъ душевно больного въ свѣтлые промежутки.

Въ отлѣлѣ второмъ озаглавленномъ: *Свобода воли* (стр. 88—132), идетъ рѣчь о недействительности дареній и завѣщаній, составленныхъ подъ вліяніемъ психическаго принужденія (§ 1) или обмана, разные виды котораго авторъ изучаетъ въ трехъ слѣдующихъ (2, 3 и 4) параграфахъ. Нельзя однако признать правильнымъ подведеніе почтительнаго страха предъ опекуномъ, подъ понятіе принужденія и того вліянія, которое пріобрѣтаетъ врачъ или духовный отецъ больного распорядителя, подъ понятіе обмана. Упрекъ, сдѣланный авторомъ Demolombe'у (стр. 109) не основателенъ, ибо этотъ писатель нѣсколько не утверждаетъ (сравн. ук. соч. № 499), что правило о недействительности распоряженій въ пользу только что поименованныхъ лицъ основывается на предположеніи, что распорядитель дѣйствовалъ подъ вліяніемъ возбужденнаго въ умѣ его страха угрозами со стороны этихъ лицъ. Мнѣніе того же писателя по предмету распоряженій, составленныхъ подъ вліяніемъ гнѣва (*ab irato*) приведено авторомъ (131 стр.) также въ искаженномъ видѣ (ср. ук. соч. № 347). Необходимо еще указать на немаловажное упущеніе со стороны автора, не установившаго различія условий, требуемыхъ для признанія обмана въ паличности при вынужденныхъ договорахъ съ одной—и безвозмездныхъ распоряженіяхъ съ другой стороны, а также на крайне ошибочное (99 стр.) пріуроченіе истинной давности относительно представленія отчета по опецѣ къ *longi temporis praescriptio* и употребленіе выраженія: „право представле-

нія“ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о дареніи или отказѣ въ пользу неспособнаго получить оный опекуна дареніемъ или завѣщаніемъ, сдѣланномъ на имя подставнаго лица (911 с. с.).

Отдѣлъ третій, озаглавленный: *Законность воли* (стр. 134—234) состоитъ изъ двухъ главъ. Въ главѣ первой говорится о неспособности несовершеннолѣтнихъ (§ 1), замужнихъ женщинъ (§ 2) и расточителей (§ 3) дарить или завѣщать свои имущества по началамъ римскаго, русскаго, французскаго, испанскаго, германскаго, англійскаго и мусульманскаго права, причемъ авторъ не избѣгнулъ нѣкоторыхъ погрѣшностей: онъ ошибочно утверждаетъ, что по французскому праву малолѣтство прекращается съ достиженіемъ 16 лѣтняго возраста (стр. 150), что въ Саксоніи и нынѣ признаются способными завѣщать мужчины, достигшіе 14 лѣтъ и женщины— 12 лѣтъ отъ роду, а въ Испаніи 16 и 12 лѣтъ, между тѣмъ, согласно ст. 2066 саксонскаго уложенія 1863 г. и ст. 663 испанскаго уложенія 1889 г., требуется для этого 14 лѣтній возрастъ для лицъ обоего пола. Невѣрно тоже утвержденіе автора будто опека или попечительство надъ расточителемъ имѣетъ задачей сохраненіе имущества расточителя для его кредиторовъ. Глава вторая содержитъ изложеніе ученія о неспособности распоряжаться имуществомъ по дареніямъ и завѣщаніямъ лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія (§ 1), лицъ монашествующихъ (§ 2) и иностранцевъ (§ 3) по взгляду римскаго, русскаго, французскаго и германскаго права.

Вторая часть сочиненія состоитъ изъ вступленія и двухъ отдѣловъ. Во вступленіи (1—50 стр.) авторъ остановился на вопросѣ во 1-хъ о томъ, можетъ ли законодательство ограничивать частныхъ лицъ въ свободномъ распоряженіи ихъ имуществомъ на безмездномъ основаніи и во 2-хъ—необходимо-ли подобное ограниченіе. Утвердительный отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ онъ основываетъ на существѣ права собственности, а въ подтвержденіе необходимости ограниченія свободы безмезднаго распоряженія имуществомъ приводятся имъ данныя экономической и юридической науки, доказывающія, по мнѣнію автора, что полная свобода въ этомъ дѣлѣ вредна для общества въ экономическомъ, политическомъ и этическомъ отношеніи. Сообщенія эти не вполне точны. Изъ изложенія автора выходитъ нпр., что источникомъ крупной поземельной собственности, преобладающей въ Англіи, признается изслѣдователями одна дарственная и завѣщательная свобода сама по себѣ, какъ будто наслѣдованіе въ недвижимыхъ имуществахъ по закону, основанное на преимуществѣ мужского пола и правѣ первородства не имѣло тутъ никакого вліянія. Затѣмъ не упоминается авторомъ о двупокольнымъ фидеикоммиссахъ, установленіемъ коихъ распорядители, пользуясь сами означенною свободою, способствуютъ скопленію земли въ рукахъ немногочисленнаго класса вла-

дѣльцевъ, но при этомъ ограничиваютъ свободу слѣдующаго за ними поколѣнія въ распоряженіи землею. Далѣе къ числу вредныхъ послѣдствій свободы безмездныхъ распоряженій относитъ авторъ (36 стр.) упадающую на общество тяжесть доставить средства къ жизни не получающимъ наслѣдства младшимъ членамъ семьи, но при этомъ не указываетъ на другой существующій въ наукѣ взглядъ, согласно которому безграничная свобода дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій потому именно установилась въ Англіи, что государственны и церковны ея строй даетъ возможность вліятельному классу крупныхъ землевладѣльцевъ обезпечить беззаботное существованіе младшимъ сыновьямъ.

Въ отдѣлѣ первомъ второй части (51—94 стр.) излагаются правила т. X. ч. 1. Св. зак. по предмету безмездныхъ распоряженій. Представивъ бѣглый историческій очеркъ установленія различія недвижимыхъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя съ предоставленіемъ послѣднихъ—въ полное распоряженіе собственниковъ и запрещеніемъ дарить или завѣщать родовыя имущества родственникамъ или чужеродцамъ мимо ближайшихъ наслѣдниковъ, авторъ разбираетъ статьи закона, опредѣляющія, когда именно недвижимое имущество становится родовымъ и когда оно теряетъ это свойство, и намѣчаетъ нѣкоторые спорные вопросы по этому предмету; въ заключеніе—онъ указываетъ на отзывы судебныхъ мѣстъ и лицъ о практическихъ неудобствахъ означеннаго различія имуществъ, слѣдуя которымъ онъ высказывается съ своей стороны въ пользу его отмѣны. Можно пожалѣть, что авторъ не сдѣлалъ болѣе точныхъ указаній на контрверзу о допустимости уменьшенія выдѣла, оказавшагося большаго, противъ наслѣдственной доли, размѣра и что, говоря объ отзывахъ юристовъ о системѣ родовыхъ имуществъ, выражается такъ, какъ будто всѣ они отозвались противъ сохраненія ея въ нашемъ законодательствѣ, между тѣмъ цитованный самимъ авторомъ отзывъ (г. Римскаго-Корсакова) не безусловно отвергаетъ эту систему. Упустилъ тоже авторъ изъ виду, что большинство мѣстн., требующихъ отмѣны системы родовыхъ имуществъ, отстаиваетъ начало полной свободы распоряженія имуществомъ и относительно немногіе требуютъ введенія взаимныхъ правилъ о родовыхъ имуществѣхъ обязательной доли наслѣдства.

Предметъ второго отдѣла, раздѣленнаго на три главы, составляетъ ограниченіе безвозмездныхъ распоряженій посредствомъ установленія т. н. необходимаго наслѣдованія въ опредѣленной части наслѣдства въ пользу нѣкоторыхъ членовъ семьи. Въ главѣ первой (95—122 стр.), указавъ (§ 1) на два разныхъ порядка опредѣленія означенной части, какъ части имущества (р. q. bonorum) или же части наслѣдства (р. q. hereditatis), авторъ обращается къ разсмотрѣнію прежде

дѣльцевъ, но при этомъ ограничиваютъ свободу слѣдующаго за ними поколѣнія въ распоряженіи землею. Далѣе къ числу вредныхъ послѣдствій свободы безмездныхъ распоряженій относитъ авторъ (36 стр.) упадающую на общество тяжесть доставить средства къ жизни не получающимъ наслѣдства младшимъ членамъ семьи, но при этомъ не указываетъ на другой существующій въ наукѣ взглядъ, согласно которому безграничная свобода дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій потому именно установилась въ Англіи, что государственны и церковны ея строй даютъ возможность вліятельному классу крупныхъ землевладѣльцевъ обезпечить беззаботное существованіе младшимъ сыновьямъ.

Въ отдѣлѣ первомъ второй части (51—94 стр.) излагаются правила т. X. ч. 1. Св. зак. по предмету безмездныхъ распоряженій. Представивъ бѣглый историческій очеркъ установленія различія недвижимыхъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя съ предоставленіемъ послѣднихъ—въ полное распоряженіе собственниковъ и запрещеніемъ дарить или завѣщать родовыя имущества родственнымъ или чужеродцамъ мимо ближайшихъ наслѣдниковъ, авторъ разбираетъ статьи закона, опредѣляющія, когда именно недвижимое имущество становится родовымъ и когда оно теряетъ это свойство, и намѣчаетъ нѣкоторые спорные вопросы по этому предмету; въ заключеніе—онъ указываетъ на отзывы судебныхъ мѣстъ и лицъ о практическихъ неудобствахъ означеннаго различія имуществъ, слѣдуя которымъ онъ высказывается съ своей стороны въ пользу его отмены. Можно пожалѣть, что авторъ не сдѣлалъ болѣе точныхъ указаній на контрверзу о допустимости уменьшенія выдѣла, оказавшагося большого, противъ наслѣдственной доли, размѣра и что, говоря объ отзывахъ юристовъ о системѣ родовыхъ имуществъ, выражается такъ, какъ будто все они отозвались противъ сохраненія ея въ нашемъ законодательствѣ, между тѣмъ цитованный самимъ авторомъ отзывъ (г. Римскаго-Кореакова) не безусловно отвергаетъ эту систему. Упустилъ тоже авторъ изъ виду, что большинство мѣстн., требующихъ отмены системы родовыхъ имуществъ, отстаиваетъ начало полной свободы распоряженія имуществомъ и относительно немногіе требуютъ введенія взамѣнъ правилъ о родовыхъ имуществѣхъ обязательной доли наслѣдства.

Предметъ второго отдѣла, раздѣленнаго на три главы, составляетъ ограниченіе безвозмездныхъ распоряженій посредствомъ установленія т. н. необходимаго наслѣдованія въ опредѣленной части наслѣдства въ пользу нѣкоторыхъ членовъ семьи. Въ главѣ первой (95—122 стр.), указавъ (§ 1) на два разныхъ порядка опредѣленія означенной части, какъ части имущества (р. q. bonorum) или же части наслѣдства (р. q. hereditatis), авторъ обращается къ разсмотрѣнію прежде

всего начал римскаго права съ исторической и догматической точки зрѣнія (§ 2) и затѣмъ системы, усвоенной старымъ французскимъ правомъ, писаннымъ и обычнымъ, а также преобразовательной дѣятельности въ переходную эпоху французскаго законодательства и, наконецъ, дѣлаетъ общій обзоръ постановленій *code civil* о части имущества, подлежащей свободному распоряженію по дареніямъ и завѣщаніямъ (§ 3). Глава вторая (стр. 123—200) содержитъ подробное изложеніе правилъ с. с. о необходимомъ наслѣдованіи законныхъ нисходящихъ (§ 1), восходящихъ (§ 2), и незаконнорожденнаго дитяти (§ 3), а также правилъ гражданскаго уложенія 1825 г. о такомъ наслѣдованіи супруга (§ 4). Въ заключеніе этой главы авторъ представляетъ бѣглый обзоръ постановленій по тому же предмету другихъ законодательствъ, какъ то: австрійскаго, прусскаго, баварскаго, вюртембергскаго, швейцарскаго, датскаго, шведскаго и норвежскаго, голландскаго, итальянскаго, румынскаго, испанскаго, португальскаго, сербскаго и мусульманскаго права. Послѣдняя 3-ья глава этого отдѣла содержитъ изложеніе правилъ франц. улож. о послѣдствіяхъ превышенія части, подлежащей свободному распоряженію на безмездномъ основаніи. Въ частности останавливается авторъ въ этой главѣ на сверхнаслѣдномъ распоряженіи въ пользу отдѣльных необходимыхъ наслѣдниковъ (§ 1), на истолкованіи ст. 917 и 918 с. с. (§ 2 и 4), предусматривающихъ особые виды безмездныхъ распоряженій, и на искѣ объ уменьшеніи распоряженій, нарушившихъ права необходимыхъ наслѣдниковъ.

Изъ разсмотрѣнія этого отдѣла видно, что авторъ подробно изучилъ догму французскаго права по изслѣдуемому имъ предмету, ознакомился съ важнѣйшими контрoверзами, но иногда онъ не вполне точно передаетъ правила закона (напр., относительно размѣра необходимой доли восходящихъ, стр. 119) и не выясняетъ, почему онъ даетъ предпочтеніе одному разрѣшенію спорнаго вопроса передъ другимъ (напр., относительно необходимой доли незаконнаго дитяти стр. 164), или же не пользуется всѣми данными закона для разрѣшенія подобнаго вопроса (напр., говоря о вліяніи признанія незаконнаго дитяти на участь дареній до того совершенныхъ бездѣльнымъ дарителемъ, онъ не обратилъ вниманія на 294 ст. улож. 1825 г. и не сопоставилъ ея съ 960 ст. франц. улож.). Ссылаясь на правила испанскаго законодательства, онъ упустилъ изъ виду кодификацію 1889 г. (ст. 808—823, 852, 853), и истолковавъ ст. 917 и 918 франц. улож., относящихся до частныхъ случаевъ, не предпослалъ указанія на общій порядокъ уменьшенія распоряженій, нарушившихъ права необходимыхъ наслѣдниковъ.

Изъ представленнаго содержанія сочиненія оказывается, что авторъ его обнаружилъ близкое и многостороннее знакомство съ темою, а также обширную начитанность. Обширны тоже его справки съ срав-

нительнымъ законовѣдѣніемъ. Нѣкоторыя изъ намѣченныхъ выше погрѣшностей объясняются недостаточною старательностью въ изложеніи, неточною формулировкой приводимыхъ авторомъ взглядовъ науки, а иногда просто ошибочнымъ словоупотребленіемъ. Взвѣсивая достоинства и недостатки работы, я нахожу возможнымъ автора сочиненія удостоить награды серебряною медалью.

Проф. В. Голеванскій.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Судебно-медицинское изслѣдованіе волосъ“, подѣ девизомъ: „*Multa paucis — Cicero*“.

Послѣ введенія, въ которомъ авторъ касается значенія изслѣдованія волосъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи, онъ приступаетъ къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ:

1) отъ кого происходитъ данный волосъ: отъ человѣка, или животнаго и если отъ животнаго, то отъ какого? При чемъ авторъ 1-ый отдѣлъ посвящаетъ классификаціи волосъ животныхъ, описываетъ волосы грызуновъ, волосы хищныхъ животныхъ, членоногихъ, непарнокопытныхъ. Далѣе описываетъ волосы животныхъ, которые могутъ быть приняты за человѣческіе, и нитевидныя образованія, которыя могутъ быть приняты за волосы. Что касается перваго обстоятельства, то „тѣ волосы, которые могутъ быть смѣшиваемы съ человѣческими (волоса лошади, зебра, вола), предлагаетъ разсматривать подѣ микроскопомъ при падающихъ лучахъ, тогда если волосъ человѣческій, то его мозговое вещество представляется въ видѣ свѣтлой ровной, гладкой однообразной полосы, а въ волосахъ животныхъ представляется матовымъ, какъ бы состоящимъ изъ густо сидящихъ другъ возлѣ друга бугорочковъ. Авторъ заключаетъ этотъ отдѣлъ заявленіемъ, что всегда при изслѣдованіи мы можемъ рѣшить, принадлежитъ ли волосъ человѣку или животному, и если онъ принадлежитъ животному, то къ какому виду, или по крайней мѣрѣ семейству, порядку принадлежитъ это животное.

Второй отдѣлъ авторъ посвящаетъ рѣшенію вопроса, на какомъ мѣстѣ тѣла человѣка произрастаетъ данный волосъ? при чемъ онъ не соглашается со взглядами Oesterlen'a по этому вопросу. Авторъ описываетъ волосы головы, бровей, рѣсницъ, усовъ, бороды, подкрыльцовой выпадины, половыхъ органовъ. При этомъ отмѣчаетъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ волосы по возрастамъ и поламъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ, выпасть ли данный волосъ, вычесанъ или вырванъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщается описаніе принимаемыхъ имъ 3-хъ видовъ корней волосъ, такъ какъ только по явленіямъ на корняхъ можно разрѣшить трактуемый вопросъ.

Четвертый отдѣлъ составляетъ „отличіе сѣдого волоса отъ свѣтло-русаго“, причемъ авторъ предлагаетъ для отличія поляризаціонный аппаратъ.

Пятый отдѣлъ говоритъ о томъ, какъ можно искусственно измѣнить цвѣтъ волосъ и какія средства могутъ быть употребляемы съ этою цѣлью.

Въ 6-мъ отдѣлѣ разрѣшается окончательно вопросъ о томъ, можетъ ли мышьякъ при отравленіи имъ переходить во волосы.

7-ой отдѣлъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе обожженныхъ волосъ, которые характеризуются вакуолизированнымъ вздутіемъ мѣста ожога.

Наконецъ излагаются заключенія, вытекающія изъ произведенныхъ изслѣдованій, которыя отчасти уже высказаны нами выше, и литература, относящаяся къ предмету произведенныхъ изслѣдованій. Къ сочиненію приложено 120 рисунковъ, снятыхъ съ микроскопическихъ препаратовъ.

При каждомъ отдѣлѣ работы излагается судебно-медицинская казуистика, встрѣчающаяся въ литературѣ, многочисленныя микроскопическія измѣренія и вообще сочиненіе представляетъ чрезвычайно старательную работу, которая вноситъ въ науку и новыя важныя данныя, а потому вполне заслуживаетъ награды золотою медалью и напечатанія.

Пр. Д. К. *мелевскій.*

П. *Троицкій.*

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: Экспериментальное изслѣдованіе смерти отъ утопленія, подъ девизомъ: „Feci, quod potui“.

Авторъ этой статьи задаясь цѣлію собрать и провѣрить литературныя и экспериментальныя данныя, относящіяся къ изслѣдованію смерти отъ утопленія. Трудъ свой авторъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ: 1) очеркъ литературы по этому предмету, 2) экспериментальныя изслѣдованія и 3) выводы и заключенія.

Въ первомъ отдѣлѣ, коснувшись обстоятельства, что задача первыхъ изслѣдователей заключалась лишь въ томъ, чтобы найти вѣрное средство для возвращенія утопленника къ жизни и что только въ послѣдствіи съ развитіемъ Судебной Медицины начались старанія къ отысканію признаковъ смерти отъ утопленія, авторъ указываетъ на тѣ различія, которыя существовали относительно ближайшей причины смерти отъ утопленія, и критически разбираетъ эти различные взгляды. Далѣе приводятся литературные труды и мнѣнія авторовъ, касающіеся признаковъ смерти отъ утопленія, а именно слѣдующіе признаки: 1) низкая температура трупа, 2, необыкновенная блѣдность кожи, 3, свѣтлоокрасное окрашеніе трупныхъ пятенъ, 4, такъ называемая гусиная кожа, 5, положеніе языка, 6, пѣна у рта и носа, 7, экхимозы въ конъюнктивѣ и фликтены на роговицѣ, 8, обопрѣлость (сморщенность) пальцевъ, 9, открытый входъ въ гортань, 10, состояніе и содержимое дыхательныхъ органовъ, 11, положеніе діафрагмы, 12. содержимое желудочно-кишечнаго канала и нѣкоторые другіе.

Что касается второго отдѣла, а именно экспериментальныхъ изслѣдованій, то авторъ описываетъ прежде всего общіе приемы, которые онъ употреблялъ при производствѣ опытовъ, оставляя за собою право варіаціи этихъ опытовъ излагать отдѣльно при каждомъ изъ разнородныхъ экспериментовъ. Для опытовъ употреблялись кролики, собаки и трупы дѣтей. Всѣхъ опытовъ произведено 134. Они касались преимущественно изслѣдованія дыхательныхъ и пищеварительныхъ путей какъ у животныхъ, утопленныхъ, такъ и труповъ, погруженныхъ въ жидкости, а также изслѣдованія наружныхъ покрововъ.

I. *Состояніе дыхательныхъ путей.* Произведенные въ этомъ направленіи опыты указываютъ, что пѣна у рта и носа утопленниковъ есть результатъ образивавшейся въ дыхательныхъ путяхъ пѣнистой жидкости; послѣ 3 — 4 сутокъ нахожденія утопленника въ водѣ пѣна исчезаетъ, вѣроитно растворяется въ окружающей трупъ жидкости. Новое появленіе пѣны на 6—7 сутки со времени утопленія обуславливается газами, развивающимися при гніеніи и при извѣстныхъ механическихъ условіяхъ (давленіе на грудную клѣтку) можетъ появляться и на трупахъ, брошенныхъ въ воду послѣ смерти отъ другихъ причинъ. Поэтому признакъ этотъ нельзя считать постояннымъ и безусловно вѣрнымъ, ибо онъ находится въ зависимости отъ двухъ условій, отъ продолжительности пребыванія трупа въ жидкости и отъ гніенія. Увеличеніе объема и консистенціи легкихъ есть слѣдствіе вхожденія жидкости въ легкія утопленниковъ; при утопленіи мертвыхъ животныхъ нѣтъ яснаго увеличенія легочной паренхимы. Что касается пѣны и пѣнистой жидкости въ легкихъ утопленниковъ, то произведенные въ этомъ направленіи опыты доказываютъ, что для образованія ихъ необ-

ходимы съ одной стороны дыхательныя движенія, а съ другой присутствіе воздуха, *жидкости* и слизи въ дыхательныхъ путяхъ, слѣдовательно, это явленіе есть явленіе прижизненное. Жидкость можетъ поступать въ воздухоносные пути или при жизни утопающаго, будучи аспирiuема, или послѣ смерти въ силу гидростатическихъ законовъ; въ послѣднемъ случаѣ жидкость, разумѣется, не будетъ пѣнистою. Пѣнистая жидкость въ легкихъ трупа можетъ образоваться только тогда, если надъ нимъ производить въ жидкости искусственное дыханіе. Содержимое желудка при его переполненіи и при соотвѣтственной консистенціи пищи можетъ подниматься по пищеводу и заходить въ дыхательные пути утопающихъ при сильныхъ дыхательныхъ движеніяхъ и продолжительной агоніи. То-же можно иногда наблюдать и въ трупахъ, брошенныхъ въ воду, но для этого необходимы извѣстное положеніе трупа и движенія или сдавливанія его во время нахожденія въ водѣ.

II. *Опытъ относящійся къ состоянію пищеварительныхъ путей у утопленниковъ, т. е. къ ихъ содержимому* доказываютъ, что жидкости проникаютъ не только въ желудокъ, но и въ кишечный каналъ утопленниковъ чрезъ глотательныя движенія во время утопленія, что поступленіе въ кишечный каналъ обусловливается перистальтикой желудочно-кишечнаго канала, что жидкости могутъ попадать и въ желудокъ трупа, брошеннаго въ жидкость, но только при значительной степени гніенія этого трупа, при чемъ изъ желудка чрезъ пищепріемникъ выдѣляются газы и мѣсто ихъ заступаетъ окружающая жидкость. Возможность эта обусловливается и положеніемъ языка и головы трупа, находящагося въ жидкости, а также облегчается произведеніемъ давленій на грудь и животъ послѣдняго. Продолжительное пребываніе трупа въ водѣ и механическія вліянія на него, удары, давленія могутъ обусловить и прорикновеніе слѣдовъ жидкости чрезъ anus. Четыре опыта были произведены слѣдующимъ образомъ: мертвому животному помощью сифона вводился въ желудочно-кишечный каналъ растворъ берлинской лазури изъ сосуда, находящагося на извѣстной высотѣ надъ животнымъ, при чемъ было замѣчено, что жидкость не льется постоянной струей, но съ извѣстными перерывами. Перерывы теченія струи находятся у cardia и у pylorus, гдѣ она встрѣчаетъ сопротивленіе. Дальнѣйшее теченіе жидкости по кишечному каналу слѣдуетъ болѣе или менѣе неправильно, съ болѣе длинными или короткими промежутками; послѣднее можетъ обусловливаться пищевыми или каловыми массами, расположеніемъ самихъ кишекъ и т. д. При описаніи этихъ опытовъ находится графическое изображеніе. Упомянутыя положенія авторъ подтверждаетъ опытами надъ вливаніемъ жидкости въ вырѣзанные изъ животнаго глотку, пищеводъ, желудокъ и часть кишекъ.

III. *Слѣдующая серія опытовъ назначена для изслѣдованія -вѣ-
жливости на наружныхъ покровахъ утопленниковъ, при чемъ появленіе
гусиной кожи наблюдаемо было рѣдко, а также и свѣтлоокрасныя пятна
на кожѣ наблюдались не постоянно: они замѣчались только на дѣтскихъ
трупахъ, положенныхъ въ воду вскорѣ послѣ смерти, если трупъ нахо-
дился въ водѣ продолжительное время ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ для
объясненія причины появленія такихъ пятенъ были произведены слѣ-
дующіе опыты: для удаленія изъ воды, назначенной для эксперимен-
товъ, свободного кислорода дѣтскіе трупы помѣщались въ ванны съ
выкипяченной водой, а также въ ванны съ водой, къ которой прибавля-
лась свѣжеприготовленная пирогалусовая кислота, при чемъ на трупахъ
все таки появлялось розовое окрашеніе. Изъ этого авторъ заключаетъ
что происхожденіе свѣтлоокрасныхъ пятенъ въ мацерированныхъ тру-
пахъ зависитъ не отъ того, что проникающая въ кожу влажность до-
ставляетъ кислородъ крови, образующей посмертныя пятна, какъ ду-
маетъ Пр. Гофманъ, а отъ того, что красныя кровяныя шарики вслѣд-
ствіе вліянія жидкости распадаются и выдѣляющійся кровяной пиг-
ментъ, имбибируя ткани, сообщаетъ имъ свѣтлоокрасный цвѣтъ. Для
подтвержденія этого положенія онъ употреблялъ еще слѣдующій пріемъ
добытая посредствомъ кровесосныхъ банокъ и насѣчекъ изъ упомяну-
тыхъ свѣтлоокрасныхъ пятенъ жидкость, болѣе или менѣ темнокрасна-
го цвѣта, при микроскопическомъ изслѣдованіи представляла растворъ
аморфнаго пигмента, при чемъ ни разу изъ 62-хъ изслѣдованій не бы-
ло найдено ни красныхъ кровяныхъ шариковъ, ни кристаллическаго пиг-
мента, а всегда примѣсь аморфныхъ массъ свѣтло или темножелтыхъ
въ проходящемъ, темныхъ въ падающемъ свѣтѣ.*

Въ 3-ей части излагаются выводы и заключенія, почерпнутые изъ
произведенныхъ изслѣдованій, которые въ главныхъ чертахъ изложены
мною выше. Наконецъ, приводится литература, касающаяся тракту-
емаго предмета.

Опыты произведены съ полной цѣлесообразностью и вообще рабо-
та исполнена съ большимъ стараніемъ, представляетъ серьезный и до-
бросовѣстный трудъ, который вноситъ въ науку и новыя данныя, а
потому вполне заслуживаетъ награды золотой медалью и напечатанія.

Пр. Судебной медицины *Д. Котелевскій.*

Прозекторъ при кафедрѣ Суд. Мед. *П. Троицкій.*

¹⁾ Т. е. когда онъ имѣлъ время достаточно пропитаться водой.

412

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text appears to be organized into several paragraphs.]

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ,

его жизненная борьба и судьбы комедіи его „Горе отъ ума“.

Рѣчь, составленная и. д. ординарнаго профессора **А. И. Смирновымъ** къ торжественному акту въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 30 Августа 1895 г.

I.

Въ началѣ текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія нашего славнаго писателя Александра Сергѣевича ГрибоѢдова, обезсмертившаго себя извѣстной комедіей „Горе отъ ума“.

А. С. ГрибоѢдовъ родился въ Москвѣ 4 января 1895 г. ¹⁾ въ старинной дворянской семьѣ ²⁾. Жизнь его была не продол-

¹⁾ На основаніи разныхъ документовъ годомъ рожденія ГрибоѢдова считали годы 1790 (въ формулярѣ 1829 г. значится ГрибоѢдову 39 лѣтъ), 1794 и 1795 (Русская Старица, 1874 г., т. XI, стат. Розанова), принимали также 1793 г., хотя о немъ въ документахъ нѣтъ указаній. Такъ какъ по исповѣдальнымъ записямъ мать ГрибоѢдова числилась еще дѣвицею въ 1790 г. и у него была сестра старше его на два года, то годомъ рожденія Гр. слѣдуетъ считать 1794 или 1795-й (Рус. Вѣд. 1895 г., № 88, ст. Якушкина). По исповѣдальнымъ записямъ Девятинской церкви въ Москвѣ ГрибоѢдову значится въ 1805 г. 10 лѣтъ и т. д., а въ 1815 г. 20 лѣтъ; въ указѣ же объ отставкѣ мая 8 дня 1816 г. говорится, что ГрибоѢдову 22 года. 1795-й годъ считаемъ годомъ рожденія ГрибоѢдова на основаніи исповѣдальныхъ записей.

²⁾ Предки ГрибоѢдова считаются выходцами изъ Польши. Одинъ ГрибоѢдовъ, Михаилъ Ефимовичъ, былъ на службѣ у царя Михаила Ѳеодоровича, а другой, Ѳеодоръ Ивановичъ, сынъ Яна Гржибовскаго, значится подписавшимся въ числѣ пяти составителей „Уложенія“

жительно, какъ и другихъ нашихъ великихъ писателей—Пушкина и Лермонтова, и окончилась, какъ у послѣднихъ, трагически, 30 января 1829 г., когда Грибоѣдову только что пошелъ 35-й годъ, онъ, вмѣстѣ со своей посольской свитой, убитъ былъ разсвирѣпѣвшей персидской чернью въ г. Тегеранѣ. Трагическая кончина А. С. Грибоѣдова была какъ бы неизбежной, естественной развязкой той драмы, которая чуть не съ самаго дѣтства происходила въ душѣ его, и трагическій исходъ которой онъ предчувствовалъ. Это предчувствіе особенно часто высказывалъ онъ къ концу своей жизни.

А. С. Грибоѣдовъ по призванію былъ поэтъ, или, по словамъ его, „пѣвецъ истинно вдохновенный“, принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, у которыхъ поэзія, по словамъ Пушкина, бываетъ исключительною страстію, объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни¹⁾. Между тѣмъ жизненные обстоятельства у Грибоѣдова всегда слагались такъ, что онъ не могъ совершенно отдаться своимъ постояннымъ стремленіямъ къ поэтическому творчеству и принужденъ былъ выносить душевныя муки при видѣ тѣхъ препятствій, которыя ставились на пути его стремленій. Семья, въ которой родился Грибоѣдовъ, не способствовала развитію въ немъ природенныхъ способностей. Здѣсь не было лицъ, которыя занимались бы, какъ напр. въ семьѣ Пушкина, литературой, или по крайней мѣрѣ интересовались ею. Правда, чтобы дать А. С. образованіе, какъ московскому дворянину знатной семьи, приложено было не мало старанія—учили его музыкѣ и нанимали воспитателей²⁾, даже посылали его вмѣстѣ

царя Алексѣя Михайловича. А. С. Гр. былъ представителемъ обоихъ родовъ. Отецъ его секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, потомокъ Яна Гржибовскаго, женился въ 1791 г. (?) на Настасѣ Ѳеодоровнѣ Грибоѣдовой, происходившей изъ рода Михаила Ефимовича. Въ лицѣ А. С. угасли обѣ вѣтви Грибоѣдовыхъ. (Подробности у Серчевъ. А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. СПб. 1858. У Серчевскаго годъ женитьбы С. Гр. 1793, это не вѣрно).

¹⁾ О предисловіи г. Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

²⁾ Первымъ воспитателемъ Гр. былъ Петрозиліусъ, челоѣкъ

съ воспитателемъ въ университетъ, чтобы онъ слушалъ тамъ лекціи ¹⁾. Кромѣ того Александръ Сергѣевичъ слушалъ и частнымъ образомъ лекціи одного изъ выдающихся тогда профессоровъ. Но все это сдѣлано было родными Грибоѣдова съ особенною цѣлью, намѣченною ими въ своихъ интересахъ. Матери Грибоѣдова ²⁾, а особенно брату ея. А. Θ. Грибоѣдову, бывшему въ родствѣ и связяхъ со знатью ³⁾, хотѣлось, чтобы изъ А. С. вышелъ впослѣдствіи видный чиновникъ. Самый выборъ для слушанія лекцій юридическаго факультета (этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета) несомнѣнно сдѣланъ былъ съ тою цѣлью, чтобы подготовить Александра Сергѣевича къ дипломатической службѣ. Для бу-

ученый, извѣстный изданіемъ перваго обстоятельнаго каталога Московской университетской библіотеки. Вторымъ воспитателемъ былъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, докторъ правъ, знатокъ классическихъ языковъ, впослѣдствіи другъ Грибоѣдова.

¹⁾ До послѣдняго времени пребываніе Гр. въ университетѣ, какъ студента, относимо было къ 1810—1812 гг. Онъ, въ послѣднемъ 1812 г., будто бы, получилъ и степень кандидата правъ. Но теперь извѣстно, что все это было гораздо раньше. Въ № XXII стр. 199—200 „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, имя Александра Грибоѣдова значится въ списокѣ лицъ, о производствѣ которыхъ въ кандидаты въ теченіе минувшаго академическаго года было объявлено 30 числа іюня 1808 г. Въ Исторіи Московскаго университета Шевырева Грибоѣдовъ указанъ въ числѣ кандидатовъ 1808 г. (Рус. Вѣд. 1895 г., № 25, ст. Бобынина). Въ копіи университетскаго диплома дважды значится, что онъ выданъ въ 1808 г. (Бѣлокуровъ, Рус. Обозр., мартъ, 1895 г.).

²⁾ Д. А. Смирновъ, племянникъ Грибоѣдова, въ своей статьѣ (Русское Слово 1859 г., № 4) говоритъ о ней: „Мать Грибоѣдова, извѣстная въ Москвѣ по своему уму и рѣзкости тона. Она умерла въ 1834 г.“

³⁾ А. Θ. Гр., начальникъ Архива въ Москвѣ, давалъ чудовищныя маскарады и балы, на которые приглашалась по билетамъ вся московская знать и необходимое служащее чиновничество. Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ (надворный совѣтникъ) умеръ въ 1830 г., не оставивъ по себѣ дѣтей мужескаго пола. Отъ первой жены своей,

дущей карьеры А. С. роднымъ его казалось недостаточнымъ то образованіе, которое давали ему. Они старались ознакомить его и съ иными путями, по которымъ онъ еще легче, по ихъ понятіямъ, могъ бы достигнуть намѣченной для него цѣли. Когда А. С. былъ уже молодымъ человѣкомъ, дядя часто заѣзжалъ за нимъ, чтобы везти его на поклонъ къ какому нибудь князь-Петръ-Ильичу. Такія приглашенія не нравились юношѣ, и онъ всячески уклонялся отъ нихъ ¹⁾. Съ этого, несомнѣнно, времени у него зародилась вражда ко всякаго рода искателямъ, къ низкопоклонникамъ, которыхъ онъ бичуетъ ѣдкими стихами въ своей комедіи „Горе отъ ума“.

Университетъ, несомнѣнно, принесъ Грибоѣдову большую пользу. Кромѣ того, что основательно ознакомился онъ съ исторіей, статистикой и др. предметами ²⁾, у него здѣсь могла зародиться страсть къ театру подъ вліяніемъ профессора Страхова, руководившаго студенческими домашними спектаклями. Но больше всего у него былъ возбужденъ интересъ къ литературѣ подъ вліяніемъ профессора Буле, котораго онъ слушалъ и во время студенчества, и по окончаніи курса ³⁾. Бу-

урожденной княжны Александры Сергѣевны Одоевской (умершей въ 1796 г.), онъ имѣлъ дочь Елизавету, бывшую за кн. Паскевичемъ Эриванскимъ, а отъ второй — Настасьи Семеновны Нарышкиной — Софью, бывшую за Сергѣемъ Александровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ. А. О. имѣлъ четырехъ сестеръ: Анну Ѳедоровну за графомъ Разумовскимъ, Александру за Тиньковымъ, Елизавету за Акинфевымъ и Настасью за С. Ив. Грибоѣдовымъ.

¹⁾ По разсказу С. Бѣгичева, „Гр. раздѣвался и ложился въ постель. Поѣдемъ, приставакъ А. О. „Не могу, дядюшка,—то болитъ, другое болитъ, ночь не спать“, хитрилъ молодой человѣкъ.

²⁾ На этико-политическомъ отдѣленіи философскаго факультета, гдѣ Гр. слушалъ лекціи, читали тогда профессора: Геймъ, Сохацкій, Рейнхартъ, Шлецеръ (политику, экономію и статистику) и Снегиревъ (исторію философіи).

³⁾ Время пребыванія въ Университетѣ было любимымъ воспоминаніемъ Грибоѣдова, въ особенности онъ любилъ говорить о своемъ незабвенномъ профессорѣ И. И. Буле (Серг. V). О научныхъ

ле ¹⁾ въ университетѣ читалъ, какъ показываетъ каталогъ лекцій, нравственную философію, эстетику, всеобщую исторію, исторію искусства. Кромѣ того, онъ читалъ публичныя лекціи и частныя у себя на дому. Буле любилъ въ своихъ разсужденіяхъ изучать сущность и основы драмы. Онъ особенно любилъ комедію и цѣлое сочиненіе посвятилъ душевной веселости и средствамъ поддерживать и развивать ее. Грибоѣдовъ подъ его руководствомъ изучалъ древнія комедіи, особенно Плавта и Теренція. Такимъ образомъ подъ руководствомъ Буле, Грибоѣдовъ могъ получить основательное литературное образованіе и приобрести уваженіе къ наукѣ и любовь къ поэзіи. Онъ и самъ, по свидѣтельству Булгарина, началъ писать стихи, но не собиралъ и не печаталъ ихъ ²⁾. Эти опыты А. С. не нравились матери его. Она, тогда, навѣрное, смѣялась надъ ними, какъ и впоследствии.

Съ 1812 г. Грибоѣдовъ вступаетъ въ военную службу ³⁾.

занятіяхъ подъ руководствомъ Буле послѣ окончанія Грибоѣдовымъ университетскаго курса можно судить по письму Гр. къ Булгарину, которому онъ писалъ въ 1826 г., что 15 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1811 г., Буле подарилъ ему *Degerando* (*De Gerando — Histoire comparée des systemes de philosophie . . .*).

¹⁾ Буле родился въ Брауншвейгѣ 1763 г., былъ профессоромъ въ Геттингенѣ въ 1790 г., а въ 1804 г. поступилъ профессоромъ естественнаго и народнаго права въ Московскій университетъ, умеръ въ Брауншвейгѣ въ 1821 г. Онъ написалъ болѣе 30 сочиненій по многимъ отраслямъ наукъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ.

²⁾ Университетскій товарищъ Гр., N (Шнейдеръ?), рассказывалъ впоследствии, что Гр. въ университетѣ читалъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большею частью сатиры и эпиграммы (Майковъ. Сбор. студ. СПб. ун. 1860 г., вып. II). Д. Смирновъ писалъ въ 1859 г. (Рус. Слово № 4): Онъ (С. Бѣгичевъ) подарилъ мнѣ, вѣроятно, единственный экземпляръ автографа Дмитрія Дрянскаго, трагедіи-пародіи (на Дмитрія Донскаго-Озерова), писанный Грибоѣдовымъ во время студенчества. Въ этой пародіи, по разсказу Бѣгичева, изображается распря между русскими и нѣмецкими профессорами.

³⁾ 26 іюля Грибоѣдовъ зачисленъ былъ корнетомъ во вновь

Въ концѣ этого года, пребывая въ разныхъ городахъ Бѣлоруссiи и потомъ въ Брестѣ, онъ предается вмѣстѣ съ товарищами разгульной жизни. Причиной увлеченiя могло быть и освобожденiе отъ домашняго гнета, который слишкомъ тяготилъ его, и пустота бездѣятельной жизни, которая окружала его. Это временное увлеченiе праздною разгульной жизнью вызывало въ немъ впослѣдствiи чувство отвращенiя. Безъ сердечной боли онъ не могъ вспомнить своихъ заблужденiй ¹⁾. Счастливый случай вывелъ Грибоѣдова изъ того непригляднаго положенiя, въ которое онъ попалъ на первыхъ порахъ службы въ полку. Спасителемъ его явился полковой товарищъ С. Н. Бѣгичевъ (адъютантъ при генералѣ Кологривовѣ), благодаря которому въ Грибоѣдовѣ произошло нравственное перерожденiе. По словамъ Булгарина, близко знавшаго Гр., Бѣгичевъ прежде другихъ постигнулъ Гр., и въ юношескомъ пламени открылъ нетлѣнное сокровище, душу благородную. С. Н. Бѣгичевъ разбудилъ Гр. отъ очарованнаго сна и обратилъ къ дѣятельности. Самъ Гр. писалъ объ этомъ впослѣдствiи Бѣгичеву: „Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойство, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился“. У Грибоѣдова опять являются интересы, возбужденные университетомъ, а особенно лекціями Буле, и Грибоѣдовъ свободное отъ службы время посвящаетъ чтенiю и литературнымъ занятiямъ. Съ этого времени у Грибоѣдова завязывается тѣсная дружба съ Бѣгичевымъ,

формировавшійся гр. Салтыковымъ Московскій гусарскій полкъ, который вскорѣ, по смерти графа въ Казани, былъ распущенъ, и Гр. 7 декабря поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій сначала въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и наконецъ въ Брестѣ, въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генерала А. С. Кологривова.

¹⁾ Объ Иркутскомъ гусарскомъ полку онъ писалъ Бѣгичеву: „Я въ этой дружинѣ побылъ всего четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный“.

которая продолжалась до конца жизни. Грибоѣдовъ навсегда остался благодарнымъ Бѣгичеву за свое спасеніе отъ дурныхъ увлеченій молодости и за поощреніе къ литературнымъ занятіямъ. Чувство глубокаго уваженія къ Бѣгичеву Грибоѣдовъ старался вселить и въ каждого новаго знакома¹⁾. Несомнѣнно, со словъ Грибоѣдова, сестра его Марья Сергѣевна называла Бѣгичева провидѣніемъ своего брата.

Во время службы своей въ Иркутскомъ полку Грибоѣдовъ познакомился и съ кн. Шаховскимъ, уже извѣстнымъ тогда драматическимъ писателемъ. По его совѣту Грибоѣдовъ еще въ Брестѣ передѣлалъ одну французскую комедію²⁾.

Въ 1815 г. Грибоѣдовъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ при посредствѣ кн. Шаховскаго вводится въ общество литераторовъ и драматурговъ; онъ знакомится съ Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ и др. Въ этомъ кругу у него болѣе и болѣе растетъ интересъ къ литературнымъ

¹⁾ Въ 1825 г. Гр. пишетъ Бѣгичеву: „(Я) хотѣлъ бы, чтобы всѣ на тебя смотрѣли какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое благочестивое чувство къ тебѣ перелю въ моего почитателя“. Чувство глубокаго уваженія и благодарности Гр. къ Бѣгичеву за сдѣланное добро было таково же, какъ и А. С. Пушкина къ Чаадаеву, это — добродѣтель, свойственная только душамъ самымъ возвышеннымъ, какими и были наши великіе писатели.

²⁾ „Молодые супруги“. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Это передѣлка комедіи Creuzé de Lesser — *Le secret du ménage*. Она напечатана въ 1815 году и ставилась въ послѣдствіи на сценѣ. Въ Брестѣ же Гр. написалъ въ 1814 г.:

1) Письмо изъ Брестъ-Литовска къ издателю Вѣстника Европы. О праздникѣ, устроенномъ офицерами въ честь генерала А. С. Казарисова. Напечатано было въ Вѣстникѣ Европы 1814 г.

2) Статья о Кавалерійскихъ резервахъ, напечатана въ Вѣстн. Европы 1814 г.

занятіямъ. Онъ пишетъ разныя статьи, помѣщая нѣкоторыя изъ нихъ въ журналъ Греча: „Сынъ Отечества“, и еще болѣе увлекается театромъ, для котораго написалъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ нѣсколько пьесъ ¹⁾. Кругъ знакомства его съ литераторами расширяется. Въ 1817 году онъ познакомился съ А. С. Пушкинымъ.

1) Въ 1816—1818 г. Грибоѣдовъ написалъ въ Петербургѣ:

1) „Отъ Аполлона“. Стихотвореніе, эпиграмма, написанное Гр. на эпиграммы, появившіяся тогда на комедію кн. Шаховскаго: „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“. Напечатано въ Сынъ Отеч. 1815 г.

2) О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады „Ленора“. Этотъ переводъ подъ названіемъ „Ольга“ написанъ Катенинымъ. Критику на него написалъ Гнѣдичъ, а антикритику на Гнѣдича — Грибоѣдовъ. Впослѣдствіи А. С. Пушкинъ называлъ критику Грибоѣдова обличеніемъ несправедливости придиорокъ Гнѣдича. Разборъ напечатанъ въ Сынъ Отечества 1816 г.

3) „Лубочный театр“, стихотвореніе памфлетическое, распространенное въ 1817 г. въ рукописяхъ и тогда не напечатанное, направленное противъ Загоскина, который въ Сѣверномъ Наблюдателѣ написалъ разборъ „Молодыхъ супруговъ“, въ которомъ нелестно отзывался о стихахъ, между прочимъ говорилъ: читая подобные сгихи, поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

Такіе, графъ, стихи

Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

4) Предисловіе къ вольному переводу А. А. Жандра „Семелы“ Шиллера. Напечатано въ Сынъ Отечества 1817 г.

5) Пять сценъ изъ втораго дѣйствія комедіи: „Своя семья, или замужняя невѣста“, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Напечатано въ Сынъ Отеч. 1817 г. Это комедія Шаховскаго, который спѣшилъ написать для бенефиса Валберховой и упросилъ Грибоѣдова помочь ему.

6) „Студентъ“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Она написана Грибоѣдовымъ и Катенинымъ съ цѣлію уронить кружокъ литераторовъ—Батюшкова, Гнѣдича, Жуковскаго, Загоскина, Карамзина и др. Она, какъ направленная противъ извѣстныхъ личностей, не появлялась ни въ печати, ни на сценѣ. Напечатана была въ 1889 г. Шляпкинѣмъ въ Собр. соч. Грибоѣдова.

7) „Притворная невѣрность“. Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ. Напечатана въ 1818 г. Она переведена съ французскаго

Въ 1816 г. Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы и остался при однихъ литературныхъ занятіяхъ. То и другое, конечно, не нравилось матери, которая только и мечтала о служебной карьерѣ сына. Гр. долженъ былъ выслушивать отъ нея укоры, которыя тяготили его, и онъ завидовалъ Бѣгичеву, что у него нѣтъ такой опеки: у тебя нѣтъ матери, писалъ Грибоѣдовъ, которой ты обязанъ казаться основательнымъ. Вѣроятно, по настояніямъ матери, которую онъ несомнѣнно любилъ, хотя и жаловался на нее, Грибоѣдовъ въ 1817 г. опять поступилъ на службу въ Вѣдомство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Служба, какъ кажется, была легкою, и онъ могъ, сколько хотѣлъ, предаваться любимымъ своимъ занятіямъ—музыкѣ и литературѣ. Онъ въ это время даже сталъ заниматься изученіемъ греческаго языка, конечно, для того, чтобы читать древнихъ авторовъ въ подлинникѣ. Онъ, видимо, въ это время былъ доволенъ своею судьбой, жалобъ на нее не слышится въ его письмахъ къ друзьямъ. Только иногда томила его неизвѣстность будущаго, и онъ пытался узнать его, надъ чѣмъ и посмѣялся въ своемъ письмѣ Бѣгичеву¹⁾.

Къ концу 1817 г. произошла дуэль между граф. В. А. Шереметевымъ и гр. А. П. Завадовскимъ, къ которой причастенъ былъ и Грибоѣдовъ. Послѣ этого началось дѣло о посылкѣ Грибоѣдова въ Персію въ качествѣ секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ Мазаровичѣ. Выборъ остановился на

Грибоѣдовымъ и Жандромъ. Изъ 17 явленій Жандру принадлежать только XII и XIII. Это переводъ *Les fausses infidélités* Барта (Nicolas Thomas Barthe 1734—1785 г.) съ передѣлкой именъ на русскій ладъ.

8) „Проба интермедіи“. Интермедія въ одномъ дѣйствіи. Представлена была въ ноябрѣ 1819 г.

¹⁾ 4 сентября 1819 г. Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву: „На дняхъ ѣздилъ я къ Киргофшѣ гадать о томъ, что со мною будетъ; да она не больше меня объ этомъ знаетъ; такой вздоръ врѣтъ, хуже Загоскина комедій“. По свидѣтельству Кюхельбекера, Гр. оправдывалъ заговариваніе крови, считалъ это дѣйствительнымъ симпатическимъ средствомъ, а не вздоромъ (Рус. Стар. 1875 г., т. 14, стр. 254.

Грибоѣдовѣ, какъ на человѣкѣ широко образованномъ, хорошо знавшемъ иностранные языки. Хотя послѣ дуэли на Грибоѣдова нашла ужасная тоска, и онъ жаловался безпрестанно, что видѣть передъ собою умирающаго Шереметева, и пребываніе его въ Петербургѣ сдѣлалось невыносимо; но когда стали предлагать ему мѣсто, обѣщая даже „тѣмъ выгодъ, поощреній, знаковъ отличія“, онъ всячески отклонялъ отъ себя назначеніе. Ему не хотѣлось отлучиться отъ друзей, родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ и общенія съ образованными людьми. Никакіе доводы и уловки не помогли ему. Видно, что мать, родные и друзья ¹⁾ сильно желали такого назначенія и усердно хлопотали о немъ. Министръ, угваривавшій его, между прочимъ, указывалъ и на то, что онъ въ уединеніи усовершенствуетъ свои дарованія. И онъ вы-

¹⁾ По свидѣтельству Д. А. Смирнова, хозяйственныя дѣла матери Грибоѣдова начали уже разстраиваться въ 1817 г. (Бесѣды въ общ. любит. російск. слов. при Московск. унив. 1868 г., вып. 2-й), и это побудило ее къ тому, чтобы уговорить сына поступить на службу въ Персію. По письмамъ Гриб. къ Бѣгичеву можно судить, что и Бѣгичевъ совѣтовалъ ему принять предлагаемое мѣсто. Въ одномъ (отъ 15 апрѣля 1818 г.) Гр. проситъ у Бѣгич. совѣта на счетъ предложеннаго мѣста, а въ другомъ (отъ 10—13 февраля 1819 г.), говоритъ, что Б. уже не попрекнетъ его малодушіемъ, что онъ „музамъ — уже не лѣнивый служитель“, „пишу мой другъ, пишу, пишу“. Изъ статьи же Смирнова видно, что Петербургская жизнь Гр. не правила Бѣгичеву, онъ называлъ ее веселой и разгульной, а пребыванію Грибоѣдова въ Персіи придавалъ важное значеніе для развитія Грибоѣдова. Трехлѣтнее пребываніе Гр. въ Персіи и уединенная жизнь въ Тавризѣ сдѣлали Гр-у большую пользу. Сильная воля его укрѣпилась, всегдашнее его любознаніе уже не имѣло преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всемъ предметамъ, по всемъ отраслямъ наукъ и много учился. По словамъ Булгарина, проживая въ Петербургѣ Гр. не столько занимался литературою, сколько побуждала его къ тому прирожденная склонность. Онъ жилъ болѣе въ свѣтѣ и для свѣта и только малые урывки времени посвящалъ музамъ. Объ этомъ Булгаринъ могъ говорить или со словъ Гр-а, съ которымъ познакомился въ 1824 г., или же со словъ Греча, которому извѣстна была жизнь Гр. въ Петербургѣ 1816—1818 г.

нужденъ былъ пожертвовать собой, подчиниться силѣ обстоятельствъ. Съ этого времени душевная борьба принимаетъ большіе размѣры и постепенно усиливается.

Въ половинѣ 1818 г. состоялось назначеніе Грибоѣдова, и онъ скоро отправился въ путь въ печальномъ настроеніи духа и съ какимъ то предчувствіемъ недобраго. Изъ Новгорода онъ написалъ: „Тамъ (въ Петербургѣ) я имѣлъ многія огорченія, но былъ и счастливъ, теперь, какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было. Нынче (30 августа) мои имянины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства такая же участь ждеть!“ Недѣли двѣ Грибоѣдовъ пробылъ въ Москвѣ у родныхъ, бывая иногда у знакомыхъ и въ театрѣ, гдѣ однажды давали его комедію: „Притворную невѣрность“ и „гдѣ лобызали его миліонъ знакомыхъ, которыхъ ни лицъ, ни имени не знаю“, писалъ онъ. Это пребываніе въ Москвѣ оставило въ Грибоѣдовѣ дурную память и объ общественной жизни, и о родственной средѣ. Въ сентябрѣ онъ изъ Воронежа писалъ: „Въ Москвѣ все не по мнѣ, праздность, роскошь несопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи, ни въ комъ нѣтъ любви къ чему либо изящному и притомъ нѣсть пророки безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ, въ дому своемъ; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-нибудь годенъ, опредѣленъ въ Миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсемъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды за ужиномъ

матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ¹⁾ и ему подобными, я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю чѣмъ нибудь ее огорчить. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ о родныхъ: „Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ сыномъ и братомъ по названію, возвратившись изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ“. Изъ этого письма видно, какъ неблагоклонно смотрѣла мать Грибоѣдова на литературныя занятія сына, которымъ онъ преданъ былъ всей душой, и видно также, чего именно она настойчиво требовала отъ него, для его же блага, какъ ей казалось,—счастье его она видѣла только въ службѣ.

Грибоѣдовъ не охотно принялъ новую должность, но чувство долга было въ немъ такъ сильно развито, что онъ старался вложить въ дѣло всю свою душу, чтобы добросовѣстно исполнить прямыя свои обязанности — защитника русскихъ государственныхъ интересовъ на Кавказѣ и Персіи. Уже изъ Тифлиса онъ пишетъ письмо въ опроверженіе невѣрнаго извѣстія, напечатаннаго въ „Русскомъ Инвалидѣ“ (официальный русскій журналъ), которое, по мнѣнію Грибоѣдова, можетъ привести къ непріятнымъ для насъ послѣд-

¹⁾ О. О. Кокошкинъ, ревностный театраль, хорошій чтець и актеръ. Онъ строго придерживался классическихъ преданій, условій французской сцены и декламировалъ по тогдашнему, напыщенно. До 1818 г. онъ былъ прокуроромъ въ Москвѣ и какъ писатель извѣстенъ былъ по двумъ стихотвореніямъ и двумъ комедіямъ, переведеннымъ съ французскаго языка („Мизантропъ“ въ стихахъ 1816 г.). Въ 1818 г. назначенъ былъ членомъ театральной конторы по репертуарной части въ Петербургѣ, а съ 1823 по 1831 г. былъ директоромъ Московскаго театра. Актеръ Каратыгинъ въ своихъ запискахъ характеризуетъ его, какъ олицетвореніе Фамусова. Спб. 1880 г., стр. 57.

ствіямъ ¹⁾. Въ концѣ января 1819 г. Грибоѣдовъ отправился въ Персію. Его интересовали по пути новыя мѣста, новые люди и ихъ нравы. Въ началѣ у него была большая охота описывать свое путешествіе, и онъ писалъ довольно длинныя письма Бѣгичеву. Въ одномъ изъ первыхъ онъ говоритъ: „въ Петербургѣ, гдѣ каждый приглашалъ, поощрялъ меня писать, и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего прочесть, потому что не знаютъ по русски, я не выпускаю пера изъ руки... Одна бѣда — скудость познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но думалъ ли я, что поѣду на востокъ? Мысли мои никогда не были сюда обращены“. Черезъ нѣсколько времени письма его дѣлаются короче и превращаются въ замѣтки. Грибоѣдовъ на основаніи этихъ замѣтокъ хотѣлъ обрисовать людей и нравы, но ему не удалось. Въ 1820 г. онъ писалъ Катенину: „Когда нибудь отъ меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишкомъ запущено. Начать ихъ обрисовывать хоть слегка, завлекло бы слишкомъ далеко, въ годъ чего не насмотришься“. Причина, почему Грибоѣдовъ не могъ продолжать подробнаго описанія путешествія, видна изъ того же письма: „Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, секретарь бродячей Миссіи. Съ тѣхъ поръ не вижу себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70 верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца сряду, подъ знойнымъ персидскимъ небомъ, по снѣгамъ на Кавказѣ и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три на одномъ мѣстѣ!“

Вступивши въ персидскія владѣнія, Грибоѣдовъ встрѣтилъ нѣкоторое уваженіе къ русскому имени и съ радостію рассказываетъ о томъ, что въ Эривани имъ принесли въ помѣщеніе стулья, тогда какъ англичане смиренно сгибаютъ ко-

¹⁾ Письмо по поводу невѣрнаго извѣстія, перепечатаннаго въ Русскомъ Инвалидѣ изъ нѣмецкой газеты о возмущеніи въ Грузіи, напечатано было въ Сынѣ Отеч. 1819 г., № 10.

лѣни и садятся на полъ... и разутые, мы на возвышенныхъ сѣдалищахъ беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ краѣ“, заключаетъ Грибоѣдовъ. Но скоро Грибоѣдовъ начинаетъ жаловаться то на неугомонное любопытство и неотвязчивость одного англичанина, то на слѣпое рабство персіянъ, слѣпую власть и разные произвольные поступки, которые его возмущали, мучится онъ на темныхъ законѣльныхъ ночлегахъ, ропщетъ на то, что „здѣсь руками человѣковъ ничего не приспособлено къ удобному проѣзду“ и Грибоѣдовъ восклицаетъ: „Нѣтъ, я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители, она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ дальше, но, по доброй волѣ, изъ одного любопытства никогда бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года“. Далѣе онъ жалуется на безстыдную лесть персіянъ, которые постоянно, безъ всякой искренности, въ обращеніи сыплютъ словами: душа, сердце, чувство. Описывая свои невзгоды Бѣгичеву, Грибоѣдовъ заключаетъ одно письмо словами: „Что же ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здѣсь два года? А начальная причина все таки ты! Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ. Не попрекнешь же впередъ, право нѣтъ: музамъ я уже не лѣнивый служитель. Пишу, мой другъ. Пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть.... Однако, какъ мнѣ горько бываетъ?“.

Доѣхавши до Тегерана и представившись шаху, Грибоѣдовъ скоро поѣхалъ въ Касбинъ, и потомъ въ Тавризъ занять былъ розысками русскихъ плѣнныхъ солдатъ и возвращеніемъ ихъ въ Россію ¹⁾. За это дѣло Грибоѣдовъ взал-

¹⁾ Освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, это личное дѣло Грибоѣдова, не предписанное ему начальствомъ. Въ 1858 г. Бѣгичевъ писалъ объ этомъ Смирнову: „Встрѣтись съ двумя или тремя сарба-

ся съ большимъ рвеніемъ. Хлопоты за плѣнныхъ причинили ему много горя и печали, но онъ твердо стоялъ на своемъ и писалъ объ этомъ: „Голову мою положу за соотечественниковъ“. Нѣсколько дней шли переговоры на счетъ тѣхъ русскихъ солдатъ, которые вступили въ персидскую службу, и которыхъ не хотѣли отпустить. Грибоѣдовъ настойчиво добивался освобожденія всѣхъ (болѣе семидесати солдатъ) и не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Аббасъ-мирза, который задерживалъ плѣнныхъ, въ своихъ разговорахъ съ Грибоѣдовымъ ставилъ ему въ примѣръ англичанъ: „Зачѣмъ вы не дѣлаете, какъ англичане? Они тихи, смиренны, я ими доволенъ“. Грибоѣдовъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „Англичане намъ не примѣръ и никто не примѣръ“. Послѣ многихъ хлопотъ Грибоѣдовъ добился своего и самъ отправился съ освобожденными въ Россію. По неустроенной дорогѣ встрѣчались разные невзгоды, въ родѣ того, что въ нихъ бросали изъ за скалъ камнями и нѣкоторыхъ зашибали. Но въ этомъ тяжеломъ и опасномъ путешествіи Грибоѣдовъ нашелъ и нѣкоторую отраду. Онъ велъ разговоры съ солдатами, которые, кромѣ сказокъ, вѣроятно, рассказывали ему и о своей судьбѣ, какъ напр. Вагинъ ¹⁾, вслушивался въ распѣваемыя ими пѣсни. Все это вызывало воспоминанія о родинѣ, и у Грибоѣдова невольно слезы накатывались на глаза. Въ Чечнѣ Грибоѣдовъ докладывалъ Ермолову о ходѣ

зами (солдатами изъ русскихъ) на улицѣ, Гр. началъ говорить имъ, что они поступили подло, измѣнили присягѣ и отечеству. Они спросили его: ручается ли онъ, что они не будутъ наказаны? Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что не ручается, но постарается... лучше разъ потерпѣть, но очистить свою совѣсть. Ермоловъ солдатъ простилъ, Грибоѣдова благодарилъ, обнималъ и представилъ его къ чину; но вмѣсто этого тотъ получилъ замѣчаніе отъ министра, что дипломатическому чиновнику такъ не слѣдовало поступать“ (Русск. Слов. 1859 г. № 4).

¹⁾ Разсказъ Вагина записанъ Грибоѣдовымъ въ Путевыхъ запискахъ его.

дѣла по возвращенію солдатъ и получилъ одобреніе отъ него за исполненное порученіе ¹⁾).

Заручившись отъ Ермолова новыми наставленіями, Грибоѣдовъ въ началѣ 1820 г. отправился въ Тавризь, мѣсто, назначенное для пребыванія нашей миссіи при правителѣ области, сынѣ Шаха, Аббасъ-мирзѣ. Почти два года Грибоѣдовъ пробылъ въ Тавризѣ, называя свои занятія службою — дѣловыми бездѣльями. Ему, несомнѣнно, было скучно; хотя онъ усердно изучалъ въ это время сначала персидскій языкъ, а потомъ арабскій. Во время отлучекъ повѣреннаго, Грибоѣдовъ занималъ его мѣсто и исполнялъ его должность съ большимъ тактомъ, за что и получилъ одобреніе отъ начальства ²⁾. На первыхъ порахъ онъ оставилъ было литературныя занятія,—въ февралѣ 1820 г. писалъ Катенину: „Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творилось бы, да читать не кому, сотруженики не русскіе“ (Мазаровичъ—повѣренный въ дѣлахъ и Амбургеръ — канцелярскій служитель). Только въ концѣ 1821 года, судя по черновому письму, онъ далъ во снѣ обязательство писать и черезъ годъ приготовить. Это было „Горе отъ ума“, которымъ онъ уже безъ перерыва зани-

¹⁾ По поводу возвращенія плѣнныхъ Ермоловъ писалъ Мазаровичу: „При семь случаѣ пріятно мнѣ замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвратившихся солдатахъ, и не могу отказать ему справедливой похвалы въ исполненіи возложеннаго вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ неблаговоленіе Аббасъ-мирзы и даже грубости, въ которыхъ не менѣе благородно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника“ (Рус. Стар. 1874 г., ст. Берже, т. XI).

²⁾ Ермоловъ писалъ Грибоѣдову отъ 20 сентября 1820 г.: „Въ заключеніе скажу вамъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Персіи должны мы быть руководимы прямою и твердостью, и поведеніе наше должно имѣть основаніемъ точное и строгое соблюденіе трактата. Вижу изъ бумагъ, что поступки ваши въ отсутствіе повѣреннаго въ дѣлахъ, во всемъ благоразумно согласованы съ сими правилами, и мнѣ остается принести вамъ справедливую похвалу“ (Рус. Стар. 1874 г., т. XI, ст. Берже).

мался и для котораго желалъ оставить службу въ Персіи, чтобы больше быть полезнымъ для отечества ¹⁾).

Въ концѣ 1821 г. Гр. посланъ былъ Мазаровичемъ въ Тифлисъ съ извѣстіемъ о началѣ военныхъ дѣйствій между персіянами и турками. Изъ Тифлиса Гр. не возвратился въ Тавризъ. По ходатайству Ермолова, онъ былъ уволенъ изъ Мисіи и назначенъ секретаремъ по иностранной части при начальникѣ Кавказскаго края. Грибоѣдовъ большею частью жилъ въ Тифлисѣ, сопутствуя иногда Ермолову въ его военныхъ экспедиціяхъ. Жизнь въ Грузіи была разнообразнѣе, чѣмъ въ Персіи, но Грибоѣдовъ не увлекался развлеченіями. Онъ и здѣсь предавался литературнымъ ²⁾ и научнымъ занятіямъ, много занимался историческими разысканіями, читалъ и, главное, работалъ надъ тѣмъ произведеніемъ, которое обѣщалъ окончить черезъ годъ ³⁾. Въ октябрѣ 1822 г. объ этомъ писалъ Кюхельбекеру: „Теперь въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю, изрѣдка свое, изрѣдка чужое, а людямъ ничего, не кому“. Къ концу 1822 г. Гр.-въ началъ тосковать: „теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ“,

¹⁾ На оборотѣ письма о снѣ Гр. написалъ прошеніе объ отставкѣ. „Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выражений для одной и той же мысли, говорить Ривароль, чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсти познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службъ, или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь.

²⁾ Къ этому времени могутъ быть отнесены слѣдующія стихотворенія: 1) „Прости отечество“ и 2) „Діалогъ Половецкихъ мужей“. Эти стихотворенія сохранились въ черновыхъ рукописяхъ.

³⁾ По словамъ Берже, Гр. у себя дома находилъ лучшее развлеченіе въ отдыскѣ своей знаменитой комедіи и въ музыкѣ.

писалъ онъ Ю. К. Глинка. Въ письмѣ къ Кюхельбекеру (въ январѣ 1823 г.) онъ съ грустію передавши извѣстіе о смерти общихъ пріятелей и знакомыхъ, и въ виду ожидаемой холеры говорить: „Трезвые умы, Коцебу, напр., обвиняетъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторижно пуще себя! Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ... Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея нѣтъ ничего чужаго, страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ нибудь бѣдствіи“. Тогда же онъ писалъ ему: „Куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою то спокойною ясностію, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердѣ, Шамхора и въ памятникахъ арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ съ тѣхъ поръ, налегла на меня необъяснимая мрачность“ ¹⁾.

Получивши четырехмѣсячный отпускъ, Грибоѣдовъ въ мартѣ 1823 г. уѣхалъ въ Москву. Этотъ отпускъ превратился въ двухгодичное отсутствіе. На первыхъ порахъ онъ принялся за отдѣлку своей комедіи сначала въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ; но вмѣстѣ съ этимъ у него были и другія литературныя работы ²⁾. Послѣ окончательной отдѣлки „Горя отъ ума“, Грибоѣдовъ хлопоталъ о постановкѣ своей

¹⁾ Въ послѣдствіи (1825 г.) Грибоѣдовъ писалъ, что изъ Грузіи выгнала его ипохондрія.

²⁾ По словамъ Булгарина, уединенная жизнь въ Персіи и Грузіи совершенно преобразила характеръ Грибоѣдова. Онъ не хотѣлъ появляться болѣе въ свѣтѣ, посвятилъ себя наукамъ, и при необыкновенной памяти и прилежаніи, пріобрѣлъ глубокія познанія, продолжая изучать то, чему положены были хорошія начала профессоромъ Буле. Ко времени пребыванія Грибоѣдова въ Москвѣ и Петербургѣ относятся слѣдующія работы:

1812-й годъ: „Планъ драмы и сцена“. (Отдѣленіе I: Красная площадь. Соборъ Архангельскій. Теремъ царей въ Москвѣ. Отдѣленіе II: Галлерей въ домѣ Позднякова. Село подъ Москвой. Отдѣленіе III: Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля. Эпилогъ: Вильна. Село

комедіи на сцену, что ему не удалось, не воспользовался онъ и даннымъ ему отпускомъ для поѣздки за границу. Въ

или развалины Москвы). Сцена: Отецъ и дочь. Все это найдено въ черновой рукописи и написано на бумагѣ 1822 г.

„Юность вѣщаго“. Стихотворные отрывки пролога. По Бѣгичеву, Грибоѣдовъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 г. Бѣгичевъ передаетъ содержаніе пролога, но не все. Главное дѣйствующее лицо въ прологѣ Ломоносовъ.

„Родамистъ и Зенобія“. Планъ трагедіи. Дѣйствіе въ Закавказьѣ. Дѣйствующія лица армяне и грузины. Съ трагедіей Кребиллона общаго только имени.

„Замѣчанія на русскую грамматику Греча“. Отрывокъ, относящійся къ ученію о глаголѣ. 1824 г.

„Частные случаи Петербургскаго наводненія“. Эта статья о Петербургскомъ наводненіи 1824 г. предназначалась для напечатанія въ какомъ то Сборникѣ, но запрещена цензурой.

„Кто братъ, кто сестра, или Обманъ за обманъ“. Новая опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Представлена 11 сентября 1824 г. Здѣсь вся проза написана А. С. Грибоѣдовымъ и одинъ куплетъ:

Любить обновы
Мальчикъ Эроть,

а стихи кн. П. Вяземскимъ.

„Романсъ“ написанъ въ 1824 г.

„Задача Эрота“. 1824. Стихотвореніе, написанное въ альбомѣ Веретовскаго.

„Давидъ“ 1824 (напечатанъ въ Мнемозинѣ). Переложеніе въ стихи псалма „Малъ бѣхъ въ братіи моей“.

„Телешовой“. Стихотвореніе, напечатанное въ Сынѣ Отечества 1825 г.

„Эпиграмма“. Стихотвореніе, вызванное полемикой изъ-за „Горя отъ ума“, написанное въ 1825 г.

„Прологъ Фауста“ (изъ Гете), написанный въ 1824 г. Напечатанъ въ Полярѣ. Звѣздѣ 1825 г.

Кромѣ напечатаннаго и написаннаго, онъ въ это время замыслилъ и другія произведенія. Онъ хотѣлъ написать собственную трагедію, говорилъ о своей страсти къ новымъ вымысламъ. Но этимъ замысламъ являлись помѣхи, какъ въ Петербургѣ, такъ и по выѣздѣ оттуда.

это время постоянныхъ занятій и хлопотъ о напечатаніи комедіи и постановкѣ ея на сцену, Грибоѣдовъ чувствовалъ себя лучше, спокойнѣе, чѣмъ въ Грузіи; но недовольство собою и окружающими не оставляло его и здѣсь. Между людьми, окружавшими его, было не мало такихъ, которыхъ онъ уважалъ, но большая часть раздражала его. О послѣднихъ онъ въ письмахъ говорить: „уморительные люди, я столько наглядѣлся смѣшного и столько хитростей!“ „Со временемъ у тебя поищу убѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!“—писалъ онъ Бѣгичеву ¹⁾.

Въ половинѣ 1825 г. Грибоѣдовъ опять отправился на Кавказъ. Онъ ѣхалъ туда черезъ Кіевъ и Крымъ. Письма, пи-

¹⁾ По словамъ Булгарина, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ почувствовалъ ничтожность свѣтскихъ связей, подружился съ литераторами и любителями наукъ и словесности, снискалъ ихъ привязанность и уваженіе и жилъ только въ литературномъ кругу. Грибоѣдова не умѣли цѣнить въ свѣтѣ, не умѣли цѣнить его и нѣкоторые литераторы, которые думаютъ возвыситься тѣмъ, что выходятъ изъ природнаго своего круга и въ пріемныхъ и гостинныхъ ищутъ награды за свои труды въ благосклонности людей, не постигающихъ другаго достоинства въ человѣкѣ, кромѣ связей, богатства и почестей. Грибоѣдовъ былъ выше всѣхъ этихъ почестей; онъ казались ему смѣшными и жалкими столько же, какъ и люди, забывающіе для нихъ предопредѣленія таланта. Онъ кушилъ познаніе свѣта опытностію, чтить и уважалъ званіе и почести въ людяхъ заслуженныхъ и достойныхъ и никогда не склонялъ чела предъ временными любимцами фортуны или счастливыми пронырами. Разумѣется, что съ этимъ чувствомъ Гр. долженствовалъ имѣть враговъ.

Другой другъ Грибоѣдова (Кюхельбекеръ) въ своемъ дневникѣ говорить о немъ: „Кончилъ описаніе путешествія Вальяна. Непріятное чувство, съ которымъ Вальянъ впервые снова увидѣлъ жилища Голландцевъ, напомнило мнѣ моего Грибоѣдова; и онъ въ Москвѣ и Петербургѣ часто тосковалъ о кочевьяхъ въ горахъ Кавказскихъ и равнинахъ Ирана, гдѣ посреди людей болѣе близкихъ къ природѣ, чуждыхъ европейскаго жеманства, онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

санныя имъ во время путешествія, свидѣлствуютъ, что душевное состояніе его было самое печальное. Онъ старался отогнать отъ себя грустныя думы осмотромъ историческихъ памятниковъ, но эти думы не оставляли его. Изъ Кіева онъ писалъ кн. В. Ѳ. Одоевскому: „Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владиміры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ, за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе; какъ они мыслятъ и что говорятъ — русскіе чиновники и польскіе помѣщики. Богъ ихъ вѣдаетъ!“ Но въ этомъ же письмѣ онъ передаетъ и такія мысли, которыя всегда и вездѣ его занимали, именно объ искусствѣ и литературныхъ занятіяхъ. „Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся, онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе и даже въ Москвѣ (откуда вынеси тебя Богъ поскорѣе)“.

Чѣмъ далѣе шло путешествіе, тѣмъ больше недовольства собою выражалъ Грибоѣдовъ. Онъ объѣхалъ весь южный берегъ Крыма, любовался прелестью моря, великолѣпными картинами на материкѣ, богатствомъ растительности, осматривалъ памятники минувшей жизни, и все это отмѣчалъ въ своихъ запискахъ; но душевнаго успокоенія не вынесъ изъ этого богатаго впечатлѣніями путешествія. Наблюдая современный ему порядокъ жизни обитателей этого прекраснаго уголка, Грибоѣдовъ видѣлъ только бѣдность и лѣность татаръ, и онъ съ грустію отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Нѣтъ народа, который бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ русскіе“. Еще больше мучила его мысль, что онъ такъ мало сдѣлалъ для литературы во время этого путешествія. Изъ Симферополя онъ писалъ: „Ну, вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавризѣ, а результатъ нуль, ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка,

Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать, за это рѣчаюсь, отъ чего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ! Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Подожду, авось придуть въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Отъ чего я туда (на Кавказъ) пускаюсь, что то скрѣпя сердце? Увидишь, что тамъ мнѣ не одобровагъ“. Въ Θεодосіи думы Грибоѣдова дѣлаются еще мрачнѣе; послѣ того какъ увидѣлъ тамъ въ разрушеніи историческіе памятники, онъ пишетъ Бѣгичеву: „А мнѣ между тѣмъ такъ скучно, такъ грустно... Пора умереть! Не знаю отъ чего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумашествія, или пистолета, а я чувствую, что то, или другое у меня впереди“.

Приѣхавши на Кавказъ, Грибоѣдовъ желалъ продолжать литературныя занятія, но жаловался, что его слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе ¹⁾. Впрочемъ, для такихъ занятій времени было мало, такъ какъ Грибоѣдовъ участвовалъ въ военной экспедиціи. По поводу утѣшеній и совѣтовъ, даваемыхъ ему Бѣгичевымъ, онъ писалъ ему: „Кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель, наклоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Θεодосіи, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно. Ты говоришь мнѣ о талантѣ, надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить?“. На этотъ разъ Грибоѣдовъ пробылъ на Кавказѣ не долго. Какъ

¹⁾ Въ письмѣ къ Бестужеву, отъ 22 ноября 1825 г., Грибоѣдовъ пишетъ: „На Малкѣ я началъ что то поэтическое, по крайней мѣрѣ самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остылъ, но при первой благопріятной перемѣнѣ снова завьюсь въ эфиръ“. Это было стихотвореніе „Хищники на Чегемѣ“ (въ черновой „Дѣлежъ добычи“). Напечатано въ Сѣверной Пчелѣ 1826 г.

знакомый съ декабристами, онъ привлеченъ былъ къ слѣдствію. Его приказано было въ началѣ 1826 г. арестовать и препроводить въ слѣдственную комиссію. Ермоловъ, любившій Грибоѣдова, предупредилъ его объ арестѣ и далъ возможность сжечь бумаги, могущія послужить во вредъ ему при допросѣ въ комиссіи, Грибоѣдовъ отправленъ былъ въ Петербургъ съ курьеромъ. Проѣзжая черезъ Москву, Грибоѣдовъ не заѣхалъ къ матери, не желая смущать ее и, можетъ быть, выслушивать упрёки ея. Бѣгичевъ, котораго Грибоѣдовъ просилъ извѣстить мать о себѣ, рассказывалъ, что, когда онъ извѣстилъ мать объ арестѣ сына, она, съ обыкновенною своею заносчивостью, съ первыхъ же словъ начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: „и карбонарій то онъ, и вольнодумецъ“, и пр. и пр.

Подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ Грибоѣдовъ пробылъ не долго, былъ допрашиваемъ, найденъ совершенно невиновнымъ и освобожденъ. Хотя онъ знакомъ былъ съ многими декабристами, былъ съ нѣкоторыми въ дружбѣ ¹⁾ и находилъ съ ними въ перепискѣ, однако онъ едвали причастенъ былъ къ самому заговору. Въ оправданіи его, конечно, играли роль и отличный отзывъ о немъ Ермолова, и заступничество Паскевича, входившаго тогда въ силу, но все это имѣло второстепенное значеніе. Цѣня въ главныхъ дѣятеляхъ умъ, отличныя дарованія, добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей ²⁾, раздѣляя съ ними недовольство

¹⁾ Таковы: поэты—А. И. Одоевскій (съ которымъ жилъ Грибоѣдовъ въ 1824 г. въ одной квартирѣ), Кюхельбекеръ, Рылѣевъ, А. А. Бестужевъ (Марлинскій); потомъ Дм. Завалишинъ и др.

²⁾ Завалишинъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Др. и Нов. Рос. 1879 г. № 4) писалъ: Грибоѣдовъ слышалъ, будто я не похожъ на ~~тѣхъ~~ либераловъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ своими сарказмами, ~~которые~~, повторяя только заученныя либеральныя фразы, порицали ~~другихъ~~, а сами относились вполнѣ небрежно и къ служебнымъ, и къ общественнымъ своимъ обязанностямъ. О мнѣ же Гр. слышалъ, ~~какъ и самъ~~ сказалъ это мнѣ, рекомендуясь, что по свидѣтельству ~~и Бичулинъ~~ и сослуживцевъ, и товарищей, я всегда былъ стро-

нестроениями въ общественной жизни, Грибоѣдовъ, однакожъ, не раздѣлялъ взглядовъ ихъ на крутыя мѣры. По свидѣтельству современниковъ, онъ иронически относился къ декабристамъ ¹⁾).

По освобожденіи изъ-подъ ареста, Гр. нѣсколько времени жилъ у Булгарина на дачѣ, на Выборгской сторонѣ. По словамъ Булгарина, Грибоѣдовъ часто былъ недоволенъ собою, говоря что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности ²⁾. „Время летитъ, любезный другъ“, говорилъ онъ, „въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать, но я долженъ что нибудь сдѣлать... Сдѣлаю!...“ У него навстрѣчались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. „Жизнь народа, какъ жизнь человѣческая, есть дѣятельность умственная и физическая; словесность мысль народа объ изящномъ. Греки, Римляне, Евреи не погибли отъ того, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не ни-

го исполнителенъ во всѣхъ моихъ обязанностяхъ, даже дѣлая болѣе того, что имѣли право и могли требовать, не смотря на то, что почти всегда я занималъ не одну должность“.

¹⁾ „Сто человѣкъ праторщиковъ“, говорилъ онъ смѣясь, „хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи“ (Бесѣды въ общ. любит. рос. слов. 1868 г., вып. 2, стр. 20).

Въ этомъ случаѣ онъ могъ сходиться во взглядахъ съ современникомъ его, тоже передовымъ человѣкомъ того времени, пріятелемъ его—Чаадаевымъ, который, по словамъ Жихарева, движеніе 1825 г. считалъ неосновательнымъ, ошибочно задуманнымъ, не сообразнымъ съ цѣлью, безплоднымъ, годнымъ только на задержаніе и отдаленіе всякаго рода преуспѣянія (Вѣсти. Европы, 1871 г., т. 5, стр. 13).

²⁾ Онъ, вѣроятно, раскаивался въ своихъ увлеченіяхъ пустыми удовольствіями, которыя отнимали у него время, чтобы сдѣлать что нибудь полезное, обогатить умъ новыми свѣдѣніями. Еще раньше, увлеченія молодой пылкой натуры его помѣшали ему совершить граничныя поѣздки, въ западную Европу въ 1815—1816 и 1824 гг., какъ видно изъ письма Грибоѣдова къ Вѣгичеву отъ 4 янв. 1825 г.

шемъ, только переписываемъ. Какой результатъ нашихъ трудовъ по истеченіи года, столѣтія? Что мы сдѣлали и что могли бы сдѣлать?...“.

Въ такихъ помыслахъ о литературныхъ занятіяхъ ¹⁾ Грибоѣдовъ не расположенъ былъ возвращаться на службу. Но это ему не удалось. Онъ помимо воли своей долженъ былъ возвратиться въ Грузію, куда передъ тѣмъ назначенъ былъ Паскевичъ, чтобъ-со временемъ замѣнить прежняго главнокомандующаго Ермолова. Когда въ іюлѣ Грибоѣдовъ былъ въ Москвѣ, мать добилаь того, чтобы онъ ѣхалъ на службу вслѣдъ за Паскевичемъ, съ которымъ, вѣроятно, имѣла разговоръ о служебной карьерѣ сына ²⁾.

Въ августѣ Грибоѣдовъ былъ уже на Кавказѣ. Въ дорогѣ онъ еще надѣялся, что Ермоловъ останется по прежнему главнокомандующимъ, но вышло не такъ. Паскевичъ началъ выдвигаться, посланъ былъ на войну, а значеніе Ермолова стало падать. Грибоѣдовъ очутился между двухъ огней, вслѣдствіе соперничества старшихъ генераловъ. Онъ теряетъ прежнее расположеніе къ нему Ермолова, и это камнемъ давитъ ему сердце. О своемъ душевномъ стостояніи въ это время

¹⁾ Къ этому времени жизни Гр. относятся:

Экспромтъ—„Четырестишіе“, написанное по освобожденіи изъ подъ ареста въ 1826 г.

„Загородная поѣздка“ (поѣздка въ Парголово, близъ Петербурга). Напечатана въ Сѣверн. Пчелѣ 1826 г.

„Освобожденный“. Стихотвореніе.

²⁾ Къ этому времени относится слѣдующій рассказъ сестры Грибоѣдова, Марьи Сергѣевны: „Матушка никогда не понимала глупаго сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и вѣшности. Вотъ что она съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ... Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить... Растроганный, взволнованный онъ далъ слово... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ“.

онъ писалъ Бѣгичеву: „Буду ли я когданибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ и можетъ статься наперекоръ судьбы. Поэзія!! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ что слава? По словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата

На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ, но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары; я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ“.

Въ началѣ 1827 г. Ермоловъ отрѣшенъ былъ отъ должности главнокомандующаго, и Грибоѣдовъ получилъ отъ новаго начальника Паскевича предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе заграничныхъ сношеній съ Турціей и Персіей. Съ этого времени служба Грибоѣдова дѣлается серьезнѣе и отнимаетъ у него гораздо болѣе времени, чѣмъ при Ермоловѣ, когда у него, по его словамъ, много было досуга для чтенія. Въ апрѣлѣ онъ писалъ Булгарину: „Не ожидай отъ меня стиховъ, горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе“. Хотя въ томъ же письмѣ Грибоѣдовъ говоритъ, что онъ рожденъ для другаго поприща, но онъ добросовѣстно выполнилъ всѣ возлагавшіяся на него служебныя обязанности. Въ теченіи года онъ работалъ безпрестанно. Принявши участіе въ планѣ кампаніи противъ Персіи и сдѣлавши полезныя указанія, Грибоѣдовъ былъ въ походѣ, не какъ наблюдатель, а какъ настоящій военный дѣятель и выказалъ необыкновенную храбрость ¹⁾. Онъ пишетъ въ это время днев-

¹⁾ Объ этомъ времени К. Полевой передаетъ слѣдующій раз-

ники, составляет разные записки и донесения о походе¹⁾. Посланный Паскевичемъ въ концѣ іюня въ Персидскій лагерь къ Аббасъ-мирзѣ для переговоровъ, онъ съ большимъ тактомъ выполнилъ свою миссію, не склонился на желанія непріятеля затануть войну долгимъ перемиріемъ и не возстановилъ его противъ Россіи.

Въ началѣ 1828 г. заключенъ былъ съ Персами выгодный для насъ миръ, по Туркманчайскому договору, въ которомъ Грибоѣдовъ имѣлъ выдающуюся роль. По этому договору за Россіей осталась Эриванская область, и Персія, кромѣ того, должна была выплатить значительную денежную контрибуцію. Представленіе договора Государю возложено было на Грибоѣдова, для чего онъ и отправился въ Петербургъ. Проѣзжая черезъ Москву, Грибоѣдовъ говорилъ Бѣгичеву: „Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, для меня дѣла постороннія. Призваніе мое — кабинетная жизнь. Голова моя полна,

скажъ Грибоѣдова, свидѣтельствующій о холодной и блестящей храбрости его. „Въ послѣднюю персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилося подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый разъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содраганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трусь въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, что бы то ни стоило, вылѣчить себя отъ робости. Я не хотѣлъ дрожать передъ ядрами въ виду смерти и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ, и потомъ тихо повернулъ лошадь и спокойно отѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха — оно усилится и утвердится“.

¹⁾ Записка о лучшихъ способахъ вновь построить городъ Тифлисъ написана для Паскевича въ 1827 г., какъ предполагаетъ Шляпкинъ. „Путешествіе по Эриванской области“ (Сѣверн. Пч. 1828 г.), по предположенію Шляпкина, принадлежитъ Грибоѣдову.

и я чувствую необходимую потребность творить“¹⁾. Прибывши въ Петербургъ (въ мартѣ), Грибоѣдовъ, по представленію

¹⁾ Къ послѣднимъ годамъ жизни Гр. относятся слѣдующія стихотворенія и отрывки, большею частью найденныя въ черновыхъ его: „Посланіе князю А. И. Одоевскому“ — стихотвореніе; „Кальянчи“ — стихотворный отрывокъ изъ поэмы; „Душа“ — стихотвореніе; „Элегія“ — стихотворный переводъ изъ Леонара; „Востокъ“ и „Домовой“ — неоконченныя стихотворенія, какъ попытки писать размѣромъ народныхъ пѣсень. Главное же и болѣе крупное произведеніе это — „Грузинская ночь“, трагедія въ стихахъ, по словамъ Булгарина, основанная на народной Грузинской сказкѣ. Отъ нея осталось лишь нѣсколько отрывковъ. Извѣстно, что отрывки изъ „Грузинской ночи“ Гр. читалъ въ Петербургѣ въ мартѣ 1828 г. на обѣдѣ у Свинына, гдѣ были И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, К. Полевой, Гречъ и др. Бѣгичеву Гр. при послѣднемъ свиданіи (въ 1828 г.) сказалъ: „Я не напишу болѣе комедіи, веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная трагедія“. И тутъ же разсказалъ онъ мнѣ ея содержаніе и прочелъ наизусть сцены, читанныя имъ въ Петербургѣ. Но на убѣжденія мои прочесть мнѣ всю трагедію никакъ не соглашался. „Я теперь еще къ ней страстенъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „и далъ себѣ слово не читать ее пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе, и если буду доволенъ, то отдамъ въ печать“. По словамъ Д. Смирнова, „Грузинская ночь“ погибла вмѣстѣ съ авторомъ. Булгаринъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ напечаталъ содержаніе „Грузинской ночи“ и такъ отозвался о ней: „если бы она была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной русской, но и всей европейской литературы“. Н. П. Гречъ, услышавъ отрывки изъ этой трагедіи, и цѣня талантъ Грибоѣдова, сказалъ въ его отсутствіи: „Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на комедіи „Горе отъ ума“, которое останется далеко позади „Грузинской ночи“. Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ; у него сверхъ ума и генія творческаго есть душа, а безъ этого нѣтъ поэзіи“. Вѣроятно, трагедія „Грузинская ночь“ задумана была Грибоѣдовымъ раньше 1826—27 г. Можетъ быть, начало ея относится къ 1824 г., когда Гр. писалъ изъ Петербурга къ Бѣгичеву по поводу перевода „Ромео и Юліи“ Шекспира: „Перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію, и лишь бы отсюда вонъ, напишу непремѣнно“.

Паскевича, былъ награжденъ деньгами (4,000 черв.) и орденъ (Анны 2 ст. съ алмазами), и кромѣ того Государь лично пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника.

Дипломатическій тактъ, выказанный во время заключенія договорныхъ условій, и блестящее образованіе возвысили Грибоѣдова изъ второстепенныхъ чиновниковъ до степени государственнаго челоѣка. Министръ предложилъ Грибоѣдову ѣхать въ Персію повѣреннымъ въ дѣлахъ для приведенія въ исполненіе Туркманчайскаго договора; но Грибоѣдовъ, желая отклонить отъ себя назначеніе, сталъ доказывать ему, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла, чтобы не уступить шагу Англійскому послу. Грибоѣдовъ разсчитывалъ, что „туча прошла мимо“ и что его не назначать съ чиномъ статскаго совѣтника, но расчеты его не оправдались. Черезъ нѣсколько дней министръ объявилъ Грибоѣдову, что онъ по Высочайшей волѣ назначенъ полномочнымъ министромъ. „Дѣлать было нечего, говор. Грибоѣдовъ. Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей Государя было бы съ моей стороны черной неблагодарностью...“ „Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ я долженъ считать за милость“. Узнавши о назначеніи, Грибоѣдовъ отправился къ Жандру и сказалъ ему: „насъ тамъ непременно всѣхъ перерѣжутъ: Аллаяръ-ханъ, личный врагъ, не проститъ онъ мнѣ Туркманчайскаго договора“. Почти то же самое онъ говорилъ потомъ и другимъ — К. Полевому ¹⁾, А. С. Пушкину ²⁾ и Бѣгичеву.

¹⁾ Я уже столько знаю персіянъ, что для меня они потеряли всю свою поэтическую сторону. Вижу только важность и трудность своего положенія среди нихъ, и главное не знаю самъ, отъ чего мнѣ удивительно грустно ѣхать туда! Не желалъ бы я увидѣть этихъ старыхъ своихъ знакомыхъ.

²⁾ Въ Путеш. въ Ерзерумъ Пушкинъ писалъ: „Въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ въ Персію, Гр. былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: „Vous ne connaissez pas ces gens—la; vous verrez qu’il faudra jouer de sou-

Изъ Петербурга Грибоѣдовъ выѣхалъ 5 іюня въ грустномъ настроеніи, почти безъ надежды на возвращеніе ¹⁾. Въ Москвѣ Грибоѣдовъ иронически смотритъ на свое положеніе; онъ пишетъ Булгарину: „чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности приобрѣтаетъ мое павлиное званіе...“ ²⁾. Но эту грустную насмѣшку надъ собою Грибоѣдовъ старается заглушить мыслию о прямыхъ обязанностяхъ его: „Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ либо ему не усердствовать!“. Во время пребыванія у Бѣгичева (въ Тульской губ.) Грибоѣдовъ былъ очень мраченъ. Онъ сказалъ съ глубокою горестію: „Прощай, братъ Степанъ! Врядъ ли мы еще съ тобою увидимся. Предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь“. Грустныя думы о своей судьбѣ—мачихѣ не покидали Грибоѣдова и всю дорогу. Изъ Новочеркасска онъ писалъ (Жандру): „Одурь беретъ на этой дорогѣ, по которой 20 разъ проѣзжаю безъ удовольствія, безъ желанія, потому что противъ воли“. Только по временамъ нѣсколько радовали его, какъ патріота, наши военные успѣхи на Кавказѣ — занятіе Анапы и взятіе Карса: „нельзя русскому сердцу не вспрыгнуть отъ радости“, писалъ онъ.

Торжественно встрѣченный въ Тифлисѣ, Грибоѣдовъ скоро отправился въ лагерь къ Паскевичу на Турецкую границу. Въ это время первый разъ въ жизни улыбнулось ему истинное счастье. Онъ женился на любимой имъ дѣвушкѣ (княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе). У него мелькнула было бодрая мысль—трудиться для семейнаго счастья. Въ письмѣ къ Булгарину Грибоѣдовъ говоритъ: „онъ (Родофиниевъ, директоръ Деп. М. ин. дѣлъ) воображаетъ, что любовь заглушитъ во мнѣ

teaux“. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей“.

¹⁾ „Простите! Прощаюсь года на три, на десять лѣтъ, можетъ быть, навсегда“, писалъ Грибоѣдовъ Е. Булгарину.

²⁾ „Узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онѣрами“.

чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое стараться, за себя и за нее. Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить.“ Но вмѣстѣ съ этимъ Грибоѣдова манить въ себѣ тихая кабинетная жизнь. Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ: „не больше, какъ черезъ два года я сдѣлаюсь отшельникомъ въ Цинондалахъ.“

Заболѣвши въ дѣйствующемъ отрядѣ жестокой лихорадкой, Гр. все таки ревностно выполнялъ свои служебныя обязанности. Въ своихъ отношеніяхъ въ Министерство онъ развиваетъ разные проекты для пользы Россіи, какъ напр. о необходимости русскаго доктора при Посольствѣ, чтобы не одождать передъ англичанами, и чтобы лучше знать внутреннюю жизнь Персіи; по его словамъ, докторъ этого лучше можетъ достигнуть, чѣмъ дипломатъ. Въ отношеніяхъ къ Паскевичу Грибоѣдовъ пишетъ о разныхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ имъ въ занятыхъ нашими войсками провинціяхъ, и предлагаетъ мѣры, какъ ихъ устранить. Говоря о дѣйствіяхъ чиновниковъ по устройству края, онъ замѣчаетъ: „Всякій частный чиновникъ долженъ грудью стоять за ввѣренную ему порученность; но дѣло главнаго начальства знать, какія въ частности допускать уступки для достиженія общей пользы“ ¹⁾. Предчувствія недоброго и даже скорой смерти не покидали Грибоѣдова и въ эти дни семейнаго счастья, постоянныхъ разъѣздовъ и сложныхъ служебныхъ занятій. Онъ писалъ въ это время: „теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно!“ 25 августа въ Эривани Грибоѣдовъ говорилъ женѣ шутя: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ Св. Давида“.

Въ началѣ октября Грибоѣдовъ оставилъ русскіе предѣлы. Въ пограничныхъ мѣстахъ въ Персіи его порадовала добрая память, которую оставили наши войска въ сельскомъ народѣ: „Они справедливы и ласковы, не то что персидскіе“, го-

¹⁾ Послѣ онъ писалъ Булгарину: „Коли служишь, то прежде всего слѣдуй буквально испосылаемымъ свыше инструкціямъ“.

ворили тамъ ему ¹⁾). По прибытіи въ Тавризъ Грибоѣдовъ попалъ въ затруднительное положеніе. По инструкціи, онъ требовалъ уплаты контрибуціи, но Персы уклонялись отъ этого и просили объ уменьшеніи ея. Между тѣмъ Министерство торопило и сердилось, что онъ медлитъ выѣздомъ въ Тегеранъ. Поэтому въ отвѣтъ Грибоѣдовъ пишетъ: „я въ Тавризъ допелся въ полномъ смыслѣ полуживой. Для пользы вѣранныхъ мнѣ дѣлъ я слишкомъ рано сюда прибылъ, я зналъ это впередъ, но боялся быть въ отвѣтственности передъ начальствомъ, которое у насъ соразмѣряетъ успѣхъ и усердіе въ исполненіи поручаемыхъ дѣлъ по болѣе или менѣе скорой ѣздѣ чиновниковъ. Изъ Тифлиса я бы угрожалъ Аббасу-мирзѣ, что вовсе не буду, коли онъ спозна не заплатитъ слѣдуемыхъ намъ денегъ.“ Теперь же Грибоѣдову пришлось вести переговоры о разсрочкѣ платежа. „У меня Государево дѣло первое и главное, а мои собственныя ни въ грошъ не ставлю“, писалъ онъ въ оправданіе себя отъ упрековъ въ медленности веденія дѣла о взысканіи контрибуціи. Это дѣло такъ его беспокоило, столько отнимало у него времени, что онъ называлъ его Египетской работой. „Мнѣ кажется, что я неполнилъ на своемъ мѣстѣ; пужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гоюсь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я не способенъ выполнить какъ слѣдуетъ служебныя обязанности“.

Не смотря на всѣ тревоги, которыя Грибоѣдовъ испытывалъ въ душѣ, дѣло велось имъ удачно. Онъ писалъ въ

¹⁾ Въ отвѣтъ на эту депешу, Нессельроде писалъ Гр-у: „Е. В. съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ описываемое вами расположеніе переіянъ къ русскимъ, которое вами замѣчено на пути нашемъ по Адербейджанской области. Симвъ доказывается челоуѣколюбивое и благосклонное поведеніе нашихъ войскъ во время послѣдней войны (Русск. Стар. 1876 г., 17 т., стр. 74).

началъ декабря: „Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Другой не имѣю никого и не хочу; должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые бы затѣяли дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали «сахтирь, соеур дур»“.

Выѣзжая изъ Тавриза въ Тегеранъ, Грибоѣдовъ занятъ былъ вопросомъ о разграниченіи съ Персами, при чемъ, какъ обыкновенно, были разные споры. Лицамъ, стоявшимъ во главѣ этого дѣла съ нашей стороны, онъ совѣтовалъ умѣренность, онъ писалъ Ренненкамфу: „мы, какъ болѣе сильные, всегда можемъ указать на какую угодно границу; но за то это было бы нарушеніемъ справедливости“.

Въ Тегеранѣ Грибоѣдовъ прожилъ около мѣсяца. По мирному договору Персы обязаны были освободить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ подданныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ Россію. Твердо настаивая на исполненіи этой статьи, Грибоѣдовъ возстановилъ противъ себя и Шаха, и многихъ вліятельныхъ лицъ, которые не хотѣли отпустить плѣнниковъ и плѣнницъ, и наконецъ вооружилъ магометанское духовенство. Неудовольствіе послѣдняго вызвано было и нѣкоторыми закавказскими уроженцами изъ свиты, которые занимались розысками своихъ соплеменниковъ. Духовенство увидѣло въ этомъ насильственное вторженіе во внутреннюю жизнь, оскорбленіе религіи и возбуждало въ народѣ ненависть къ Посольству. Подстрекаемая духовенствомъ народная толпа, собравшись 30 января 1829 г. въ огромномъ количествѣ передъ посольствомъ, напала на него. Во время нападенія Гр. попытался было подѣйствовать на толпу словами, но его голосъ не могъ быть услышанъ въ страшной суматохѣ. Казаки, по словамъ очевидца персіявина, презирая опасность, оказывали непоколебимую твердость и отважность къ защитѣ своего начальника и дорогою цѣною отдавали свою жизнь; но ничто не остановило нападающихъ. Толпа ворвалась въ домъ и перерѣзала всѣхъ; перерѣзаны были также и семь или восемь

Кізаковъ, жившихъ на конюшнѣ, въ переднихъ дворахъ Британскаго посольства ¹⁾).

Такъ безвременно погибъ Грибоѣдовъ, „грудью отстаивая ввѣренную ему порученность“. Онъ исполнилъ свой долгъ согласно прямому смыслу только что заключеннаго мирнаго договора, согласно своимъ вѣрнымъ русскимъ взглядамъ на службу Государю, взглядамъ, исключавшимъ потворство, угодничество, лесть и другіе кривые пути для достиженія цѣли. Онъ, такимъ образомъ, не отступилъ отъ завѣтовъ предковъ—держатъ имя русское честно и грозно, по старинѣ. Поведеніе его вполнѣ оправдываетъ исторія, несмотря на то, что современники иначе судили о немъ: „сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, не соображавшаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской“, писалъ тогда гр. Нессельроде гр. Паскевичу. (Рус. Стар. 1872 г. т. VI, стр. 194).

¹⁾ По свидѣтельству персіянина, бывшаго въ свѣтѣ русскаго посланника, Грибоѣдову, послѣ перваго нападенія толпы, когда взяты были Шаховъ эвнухъ Мирза Якубъ и двѣ женщины армянки, предлагался однимъ торговцемъ безопасный пріютъ, и онъ могъ бы спасись, какъ секр. Мальцевъ; но Гр. отвергнулъ сдѣланное ему предложеніе, потому ли, чтобы не измѣнять своимъ, или въ невѣдѣніи собственной опасности. Тотъ же персіянинъ писалъ, что Грибоѣдова съ примѣрнымъ самоотверженіемъ до послѣдней минуты заслонялъ своимъ тѣломъ казацкій урядникъ. (Разсказъ персіянина у Серчев.). Ефремовъ (Русск. Арх. 1872 г. въ ст.: О смерти Гр.) и Берже (Рус. Стар. 1872 г. въ ст.: Смерть Гр.) говоря о томъ, что персидское правительство не предотвратило — еще наканунѣ и даже раньше готовившагося нападенія и не остановило толпы во время нападенія, склоняются къ той мысли, что въ этомъ дѣлѣ было участіе англичанъ, что былъ заговоръ тегеранскаго каймакама, который былъ въ дружбѣ съ англичанами, жившими въ Тавризѣ и боявшимися вліянія Грибоѣдова при персидскомъ Дворѣ. Официально англичане были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ.

II.

Всю свою жизнь Грибоѣдовъ тяготился зависимою отъ родныхъ и отъ службы, безирестанно скорбѣлъ, что не можетъ найти уголокъ для уединенія, чтобы всецѣло отдаться страстно любимой имъ поэзіи; однакоже онъ, при всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ, успѣлъ сдѣлать не мало для русской словесности, и обезсмертилъ себя тѣмъ произведеніемъ, надъ которымъ больше всего потрудился.

А. С. Гр. выступилъ на литературное поприще, когда ему было около двадцати лѣтъ и скоро получилъ извѣстность какъ талантливый писатель. Онъ написалъ нѣсколько журнальных статей, стихотвореній и комедій, но пріобрѣлъ славу великаго писателя однимъ только произведеніемъ, своей гениальной комедіи „Горе отъ ума“.

Для того, чтобы создать такое оригинальное и вполнѣ національное произведеніе, недостаточно было одного огромнаго поэтическаго таланта, которымъ онъ владѣлъ, и той пламенной любви къ Россіи ¹⁾, которой онъ былъ исполненъ; необходимы были также широкое образованіе, проницательный умъ, наблюдательность и усидчивость въ трудѣ, и все это у него было. Рано изучивши иностранные языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій ²⁾, а потомъ персид-

¹⁾ Булгаринъ въ своихъ Воспоминаніяхъ говоритъ: „Мнѣ не случалось въ жизни ни въ одномъ народѣ видѣть человека, который бы такъ пламенно, такъ страстно любилъ свое отечество, какъ Гр. любилъ Россію. Онъ въ полномъ значеніи обожалъ ее. Каждый благородный подвигъ, каждое высокое чувство, каждая мысль въ русскомъ приводила его въ восторгъ.“

²⁾ Въ вышеприведенномъ черновомъ прошеніи Гр. не говоритъ объ итальянскомъ языкѣ, но Булгаринъ въ Воспоминаніяхъ писалъ: „Грибоѣдовъ зналъ совершенно нѣмецкій, французскій, итальянскій

скій ¹⁾ и арабскій, Гр. ознакомился и съ крупными литературными явленіями на этихъ языкахъ. Изъ писемъ его, а также изъ разсказовъ современниковъ видно, что онъ читалъ и Мольера, и Расина, и Шиллера, и Гете, и Шекспира, и Байрона и мн. др. Читалъ онъ и изучалъ сочиненія философскія, историческія, по политической экономіи и статистикѣ, финансамъ, путешествію, какъ въ подлинникахъ, такъ и въ переводахъ. По свидѣтельству Булгарина, зная столько иностранныхъ языковъ, Гр. любилъ читать русскія книги, особенно переводы даже самыя плохіе великихъ писателей... „Мнѣ любопытно знать, говорилъ Гр., какъ изъяснены высокія мысли и наставленія мудрецовъ, и можетъ ли понимать ихъ классъ народа, не знающій иностранныхъ языковъ. Это археологическія и этнографическія изысканія“. Гдѣ бы Грибоѣдовъ ни былъ, онъ постоянно писалъ друзьямъ, чтобы они прислали ему то тѣ, то другія книги или періодическія изданія ²⁾. Если кому приходилось встрѣчаться съ Гр., всѣ находили его человѣкомъ высокообразованнымъ и съ замѣчательнымъ умомъ. Сохранились отзывы объ его образованіи и умѣ нѣкоторыхъ замѣча-

и англійскій языки, и понималъ латинскій“. О томъ, что Гр. говорилъ по итальянски, свидѣтельствуешь его университетскій товарищъ N (Сб. студ. СПб. унив., вып. II, стр. 235).

¹⁾ По словамъ Бѣгичева, Грибоѣдовъ совершенно узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ (Бес. въ общ. л. р. сл. при Имп. Моск. унив. 1868 г., вып. 2). Берже объ этомъ говоритъ нѣсколько иначе: „Гр. на персидскомъ языкѣ объяснялся довольно свободно, знаніемъ же его въ совершенствѣ не могъ похвалиться“ (Рус. Стар. 1874 г., т. XI, стр. 279). Почти тоже говоритъ и Булгаринъ въ своихъ Воспоминаніяхъ.

²⁾ Сестра Гр. говорила Д. Смирнову въ 1850 г.: „Братъ очень любилъ науку. Изъ него вѣроятно долженъ былъ выйти не литераторъ, а второй Гумбольдтъ. Служебное тщеславіе и самолюбіе были ему до крайности противны. Всего болѣе правилась ему тихая кабинетная жизнь, когда онъ, запершись въ своей комнатѣ, могъ учиться“ (Бес. въ общ. люб. рос. сл. при Моск. ун. 1868 г., вып. 2).

тельныхъ современниковъ: *Ермолова* ¹⁾, *Муравьева* (Карскаго) ²⁾, *Булгарина* ³⁾, *А. С. Пушкина* ⁴⁾, *Бестужева* (Марлинскаго) и *К. Полеваго*.

При такомъ умѣ и широкомъ образованіи, Грибоѣдовъ лишь только почувствовалъ въ себѣ потребность творчества, не остановился на теоріи тогдашняго классицизма, съ которымъ познакомился изъ лекцій Буле, и не поддавался вліянію ни сентиментализма, ни туманнаго романтизма, ни байронизма. Въ то время, когда онъ обдумывалъ первый планъ изображенія московской жизни въ комедіи, онъ былъ реалистомъ, требовавшимъ отъ писателя простоты и естественности, свободного творчества въ тѣхъ условіяхъ, какія даетъ новая жизнь. Тогдашнее отношеніе его къ нашей литературѣ выразилось въ его критической статьѣ, написанной въ 1816 г. О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады „Ленора“. Гр. жалуется здѣсь, что въ нашей литературѣ нѣтъ простоты и естественности въ выраженіяхъ, что въ слезливый вѣкъ и мертвецы должны говорить романтическимъ языкомъ; что нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, говоритъ онъ,—пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ.

Свое главное произведеніе Грибоѣдовъ обдумывалъ долго и работалъ надъ нимъ нѣсколько лѣтъ, работалъ упорно, передѣлывалъ нѣсколько разъ планъ, сцены, монологи и языкъ. Есть указаніе, что начало комедіи относится на 1812 г. Това-

¹⁾ Ерм. отзывался о Гр. какъ о человѣкѣ съ отличными способностями и большими знаніями; онъ указывалъ на него министру Нессельроде, какъ на человѣка, которому можно было бы препоручить заведеніе школы восточныхъ языковъ.

²⁾ Мур. говорилъ о Гр.: образованіе и умъ его необыкновенны; человѣкъ сей уменъ и имѣетъ большія познанія.

³⁾ Булг. считалъ его человѣкомъ съ здравымъ умомъ и глубокой ученостію.

⁴⁾ Пушк. сказалъ однажды К. Полевому про Гр.: это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи.

рищъ Грибоѣдова N говорилъ, что ему и воспитателю своему Юну Грибоѣдовъ читалъ въ этомъ году отрывки изъ „Горя отъ ума“. Довѣряя этому показанію, мы думаемъ, что тогда у Гр. не было еще плана комедіи, а были лишь наброски сатиры на одно лицо ея—Фамусова. Послѣ смерти Гр. ближайшій другъ его С. Н. Бѣгичевъ относилъ начало комедіи къ 1816 г. Онъ говорилъ: Первоначальная мысль какой либо сатиры, если не на все русское общество своего времени, то на московское общество, со всеѣмъ, что въ немъ было суетнаго и закоснѣлаго, эта мысль явилась у Гр. еще въ 1816 г. По показанію Бѣгичева, въ 1816 г. написано было нѣсколько сценъ, затѣмъ въ Персіи или Грузіи планъ этотъ Гр. во многомъ измѣнилъ и уничтожилъ нѣкоторые дѣйствующія лица, между прочимъ жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую.

Слѣдующіе два года мало благопріятствовали продолженію работы. Въ 1817 г. Гр. частію занятъ былъ службою, а главное увлекался музыкой, театромъ, журнальной дѣятельностію и если писалъ, такъ только то, что вызывалось требованіемъ минуты. Въ 1818 и 1819 годахъ онъ много времени провелъ въ пути и не мало занятъ былъ служебными обязанностями. Есть основаніе предполагать, что и въ это время онъ обдумывалъ планъ комедіи и кое что прибавилъ къ написанному раньше. Въ концѣ 1819 года Грибоѣдовъ по дорогѣ въ Тифлисъ читалъ князю Д. О. Бебутову много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ и изъ комедіи „Горе отъ ума“, которая была еще только набросана. Къ концу 1820 года, самъ Грибоѣдовъ относитъ начало выполненія всего начертаннаго плана. Объ этомъ онъ писалъ кому то письмо, уцѣлѣвшее въ черновой. Ему снилось, что онъ находился въ большомъ обществѣ и лицу, которому писалъ, далъ съ трепетомъ обязательство написать черезъ годъ. При этомъ видѣлся ему и Катенинъ, произнесшій слова: лѣнь губить всякій талантъ. Проснувшись, Грибоѣдовъ принялся писать, живо помня обѣщаніе: во снѣ дано, на яву исполнится. Это

было въ Тавризѣ, за годъ до выѣзда Грибоѣдова въ Грузію ¹⁾.

Во время годичнаго пребыванія на Кавказѣ (1822 г.), Гр. занимался изысканіями по русской исторіи. Онъ читалъ разныя историческія книги и дѣлалъ разныя замѣтки. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ имѣютъ отношеніе къ его работамъ надъ комедіей, къ выясненію тѣхъ слабыхъ сторонъ въ современной ему жизни, которыя онъ осмѣивалъ въ своей комедіи. Духъ рабскаго слѣпнаго подражанья иностранцамъ, онъ хотѣлъ выяснитъ исторически, читая сочиненія, касающіяся Петра I. Въ это время Гр. больше всего занятъ былъ созданіемъ личности Чацкаго, который долженъ быть яркимъ выразителемъ идеаловъ цѣлой эпохи, смутно еще носившихся тогда въ сознаніи общества, и требовавшихъ опредѣленной и ясной формулировки.

Предполагають (Лонгиновъ и А. Веселовскій), что въ Тифлисѣ Гр. написалъ первые два акта, а остальные два въ Москвѣ; но это предположеніе ничѣмъ не доказывается. Вѣроятно, что Гр. въ Тифлисѣ довелъ комедію до конца ²⁾, но нѣкоторыя сцены 3 и 4 акта у него были очень мало обработаны,

¹⁾ Въ своихъ Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ Булгаринъ говоритъ о томъ же снѣ, о которомъ Гр., вѣроятно, рассказывалъ ему. Булгаринъ относитъ сонъ къ 1821 г., а не къ 1820 г., въ которомъ написано черновое письмо. По словамъ Булгарина, Гр. въ ту же ночь начертываетъ планъ „Горя отъ ума“ и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта; въ письмѣ же Грибоѣдова говорится: только „сажусь писать и живо помню мое обѣщаніе: во снѣ дано, на яву исполнится“. Вѣрнѣе полагать, что Гр. написалъ въ эту ночь только черновое письмо кому то (Шляпкинъ предполагаетъ — кн. А. А. Шаховскому).

²⁾ Объ этомъ говоритъ Булгаринъ въ Воспоминаніяхъ. Очень можетъ быть, что къ этому времени (а не только ко времени пребыванія Гр. въ Москвѣ въ 1823 и 1824 г.) относится свидѣтельство Кюхельбекера, занесенное въ его дневникъ: „Гр. писалъ „Горе отъ ума“ почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было написано“ (Рус. Стар. 1875 г., т. 14. стр. 84). Въ стихотвореніи Кюхель-

скудны были тѣми яркими жизненными красками, которыя онъ могъ найти на мѣстѣ дѣйствія, въ Москвѣ.

Пріѣхавши въ Москву Гр. прочиталъ Бѣгичеву первый актъ. Бѣгичевъ сдѣлалъ кое-какія замѣчанія, которыя Гр., какъ показалось Бѣгичеву, выслушалъ съ неудовольствіемъ. На другой день Гр. сжегъ первый написанный актъ и черезъ недѣлю вновь написалъ его. Живя въ Москвѣ, Гр. постоянно работалъ надъ своей комедіей, по словамъ Булгарина, онъ занимался передѣлкой „Гори отъ ума“; часто случалось, что онъ, возвратясь поздно домой, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ, такъ сказать въ одинъ присѣсть. Въ это время вѣсть о комедіи сдѣлалась извѣстной и въ публикѣ, такъ какъ гр. Вьельгорскій, нашедши нѣсколько листовъ между нотами сестры Гр., увезъ ихъ съ собой. Лѣтомъ Гр. продолжалъ заниматься комедіей, между прочимъ, и въ имѣніи Бѣгичева (Дмитріевскомъ Епиф. у. Тульск. губ.). Въ Москвѣ Гр. закончилъ было свою комедію, читалъ ее знакомымъ ¹⁾ и оставилъ списки съ нея. Въ маѣ 1824 г., отправившись въ Петербургъ, онъ нѣсколько дополнилъ ее ²⁾ и принялся хлопотать о постановкѣ

бекера Грибоѣдову, написанномъ въ Тифлисѣ въ 1821 г., находятся такіе стихи:

Но ты, ты возлетишь надъ пѣснями толпы!
 Пѣвецъ! тебѣ даны рукой судьбы
 Душа живая, пламень чувства,
 Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
 Высокаго искусства
 И рѣзвоскачущая кровь!

(Моск. Тел. 1825 г., кн. 1, стр. 118).

Для такой похвалы едва ли достаточно было того, что до тѣхъ поръ было напечатано Грибоѣдовымъ.

¹⁾ Напр. кн. П. А. Вяземскому, который посоветовалъ поставить точку послѣ словъ Чацкаго: Желалъ бы съ нимъ убитъся, а слово „для кампаньи“ вложить въ уста не Чацкаго, а Лизы; съ чѣмъ Гр. и согласился (Собр. соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 343).

²⁾ Онъ писалъ Бѣгичеву: „На дорогѣ (въ Петербургъ въ концѣ мая 1824 г.) пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою не-

ея на сцену и о напечатаніи. Въ виду этого онъ долженъ былъ вновь приняться за передѣлки ¹⁾, сердился сначала, что приходится стирать яркія краски, но подѣ конецъ нашель, что прежній текстъ былъ не совершененъ, не чистъ, а вновь исправленный гладокъ, какъ стекло. Это была вторая редакція. Послѣ Гр. дѣлалъ въ ней измѣненія, когда ему сообщали, по его собственной просьбѣ, нѣкоторыя замѣчанія; особенно на тѣ выраженія, которыя все еще отзывались какъ бы книжнымъ языкомъ ²⁾.

И такъ, Гр. работалъ надъ своей комедіей долго. Около 4, или даже 8 лѣтъ онъ обдумывалъ планъ ея, стараясь уложить въ него свои наблюденія надъ обществомъ, и около четырехъ лѣтъ приводилъ въ исполненіе начертанный планъ, пополняя его новыми частностями. Только послѣ такихъ долголѣтнихъ и усиленныхъ трудовъ надъ содержаніемъ и особенно языкомъ, комедія его явилась во всемъ величіи, какъ произведеніе вполне самостоятельное, чисто національное, глубоко затронувшее русскую жизнь.

Грибоѣдовъ очень дорожилъ своимъ произведеніемъ. На основаніи разсказовъ современницы, встрѣчавшей въ Москвѣ Гр. и имѣвшей списокъ комедіи, исправленный рукою автора, Гарусовъ убѣдился, что Гр. дорожилъ каждымъ стихомъ комедіи, что въ нее онъ перелилъ самого себя, свой геній, свою душу, свою наблюдательность, что онъ говорилъ знакомымъ (въ домѣ Л-ыхъ, въ Москвѣ), что послѣ „Горя“ не только радости или напасти . . . , но даже ничего ему не напи-

годяйку со свѣчею передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее: живая быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ (вмѣстѣ съ другими поправками) читалъ я ее (комедію) Крылову, Жандру, Хмѣльницкому и мн. др.; шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ“.

¹⁾ Я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риѣмъ передѣлалъ, писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву.

²⁾ Объ этомъ говоритъ Завалишинъ, списавшій въ началѣ 1825 года комедію съ собственноручной тетради Грибоѣдова (Др. и Нов. Россія 1879 г., т. 1, стр. 314).

сать. Въ письмѣ къ Бѣгичеву, Грибоѣдовъ называетъ свое произведеніе — чудомъ. Дѣйствительно, „Горе отъ ума“, какъ тогда, такъ и теперь кажется чудомъ, явленіемъ необыкновеннымъ въ ряду нашихъ тогдашнихъ литературныхъ произведеній и въ ряду другихъ произведеній самого Грибоѣдова. Самостоятельность нашей литературы ведется обыкновенно отъ Пушкина, и это вѣрно, если принимать во вниманіе всѣ роды ея. Частные же случаи этой самостоятельности начались раньше, и она проявилась сначала въ басняхъ Крылова и потомъ въ комедіи Грибоѣдова. Комедія Гр. явилась первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи. Она въ яркихъ краскахъ изобразила то зло, которое разъѣдало русскую жизнь и препятствовало свободному развитію здоровыхъ силъ, хранящихся въ нашемъ народѣ. Она вмѣстѣ съ этимъ представила намъ и положительную сторону русской дѣйствительности въ лицѣ Чацкаго, горячаго бойца за правду. Чацкій — представитель идей и лучшихъ стремленій русскаго общества — и до сихъ поръ является въ нашей литературѣ единственнымъ, истинно героическимъ лицомъ.

Чуть ли не бѣльшимъ чудомъ слѣдуетъ считать внѣшнюю форму комедіи, языкъ ея — бойкій, живой, выразительный, со многими особенностями народной рѣчи ¹⁾. По сравненію его съ

¹⁾ По словамъ Гончарова: „Нельзя представить себѣ, чтобы могла явиться когда нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій живой русскій умъ, который Гр. заключилъ, какъ волшебникъ, духа какого нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ“ („Милліонъ терзаній“).

Лучшая статья о языкѣ и слогѣ „Горы отъ ума“, это статья В. Н. Куницкаго (Кіевъ 1895 г.). Онъ перечисляетъ въ ней идиотизмы, слова и выраженія народныя, слова, обороты рѣчи и выраженія, которыя придаютъ языку яркій колоритъ времени и мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, живыя разговорныя формы и выраженія, рѣчь выразительную, которою характеризуется какъ лицо говорящее, его

прежними произведеніями Гр., онъ стоитъ на недостигаемой высотѣ ¹⁾, сравнительно же съ написаннымъ послѣ, онъ значительно легче, выразительнѣе, народнѣе, иногда съ такъ называемыми разговорными неправильностями, недопускаемыми школьными грамматиками и стилистиками. А. С. Пушкинъ, прочитавши комедію, сказалъ: половина стиховъ должна перейти въ поговорку, и это предсказаніе великаго мастера русскаго слова сбылось: стихи ея, слова, легко укладываваясь въ памяти, дѣйствительно, перешли въ поговорки, поговорки, распространились сначала въ грамотномъ обществѣ, а черезъ него проникають и въ массу, отъ которой главнымъ образомъ Грибоѣдовъ и позаимствовался лучшими особенностями своей рѣчи. Какъ Гр. такъ хорошо усвоилъ народную рѣчь, намъ неизвѣстно, за недостаткомъ біографическихъ данныхъ. Кажется, что для такого усвоенія у него было меньше благоприятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ у Крылова, долго и часто вращавшагося въ народной средѣ, или очень близкой народу, и у Пушкина, собиравшаго народныя пѣсни и имѣвшаго такую няню, которая, еще дѣтскую качая колыбель, плѣнила юный слухъ его народными напѣвами.

Жестокая судьба, „желѣзною рукою кидавшая“ Грибоѣдова съ мѣста на мѣсто и помѣшавшая ему всего себя посвятить поэтической дѣятельности, помѣшала и тому, чтобы его любимое дѣтище тогда же было поставлено на сцену

общественное положеніе, такъ и настроеніе духа, когда говорить. Наконецъ указаны грамматическія особенности.

См. также статью В. А. Истомина (Р. Ф. Вѣст. 1894 г.) „Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній А. С. Грибоѣдова“.

¹⁾ Прозаическая рѣчь Гр., впрочемъ, очень хороша; онъ, видимо, писалъ, какъ говорилъ. О разговорной рѣчи его сохранилось свидѣтельство Булгарина: „Изъясняясь пріятно и правильно на всѣхъ языкахъ, Гр. отлично хорошо говорилъ по-руски — достоинство весьма рѣдкое между образованными русскими“.

и было напечатано. Эта же судьба долго тяготѣла надъ его произведеніемъ и послѣ, даже до нашихъ дней.

Желая поставить комедію на сцену, Гр. поступился и первоначальнымъ планомъ своего произведенія. Послѣ окончательной отдѣлки для театра Гр. писалъ: Первое начертаніе этой *сценической поэмы* ¹⁾, какъ оно родилось во мнѣ было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Реблическое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ ²⁾, же-

¹⁾ Въ письмѣ къ Бѣгичеву (въ августѣ 1824 г.) Гр. свою первую московскую редакцію называетъ *драматической картиной*, а въ письмѣ къ Катенину (въ январѣ 1825 г.), называетъ *комедіей*, когда говоритъ о планѣ ея, и *картиной*, когда говоритъ о характерахъ. Весьма вѣроятно, что Гр. сначала хотѣлъ написать сценическую поэму для чтенія. И теперь если напечатать комедію безъ обозначенія дѣйствующихъ лицъ и того, что они должны дѣлать, и потомъ коротенькія рѣчи двухъ, иногда трехъ лицъ соединить въ шестистопные стихи, какъ послѣднее сдѣлано въ изданіи Гарусова, то „Горе отъ ума“ будетъ имѣть виѣшній видъ стихотворной поэмы. Отъ мысли оставить „Горе отъ ума“ въ видѣ пьесы для чтенія Гр. не отказывался и тогда, когда выработалъ новую (вторую) редакцію для театра. Превосходныхъ сценъ въ третьемъ дѣйствіи, разговора Хлестовой съ Натальей Дмитревной и княгиней (у Гарусова съ 400 по 445 ст., у Шляпкина т. II, стр. 477—479) нѣтъ въ 1-й (московской) редакціи; они, несомнѣнно, написаны послѣ передѣлки московской редакціи въ Петербургѣ, когда Гр. приготавлилъ свою комедію для постановки на сценѣ. Въ комедію эти новые 45 стиховъ не вошли въ сценическихъ расчетахъ, какъ удлиняющіе это дѣйствіе, сравнительно съ другими. Другія мѣста, не находящіяся въ московской редакціи и не вошедшія въ редакцію, назначенную для сцены, представляютъ слишкомъ рѣзкія черты нравовъ тогдашняго общества, какъ напр. въ 21 явл. 4-го дѣйствія въ рѣчи Загорѣцкаго семь стиховъ (у Шляп. II, 489 стр., у Гар. съ 611—617), въ 4 дѣйствіи въ 5 явленіи въ рѣчи Репетилова пять стиховъ (у Шляпк. II, стр. 499, у Гар. съ 200—204 стихъ), въ 8 явл. 4 д. въ рѣчахъ Хлестовой и Репетилова пятнадцать (у Шл. II, стр. 503, у Гар. съ 282 по 295).

²⁾ Въ августѣ 1825 г. Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву: „Ты насъ знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ себѣ вбилъ въ голову, мелочной задачѣ вовсе несообразной съ ненасыт-

ланіе имъ успѣха, заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены. Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи,—такъ же ли роптать? Сколько Гр. ни стиралъ яркія и рѣзкія живописныя краски въ своей комедіи, сколько онъ ни хлопоталъ о постановкѣ ея на сцену и напечатаніи цѣликомъ, ни то, ни другое не удалось ему. Были конечно противники комедіи въ Петербургѣ, но рѣшительный походъ противъ нея открытъ былъ изъ Москвы. Въ выведенныхъ въ комедіи лицахъ москвичи находили сходство съ разными московскими особами. Тамъ стали говорить, что нужно постоять за честь порядочнаго общества Москвы, за русское имя, нравственность, религію и т. п., подбивали американца гр. Толстаго, узнаннаго въ ночномъ разбойникѣ и дуэлистѣ, вызвать Гр. на дуэль. Вслѣдствіе этихъ толковъ директоръ театровъ Кокоскинъ представилъ генераль-губернатору кн. Д. И. Голицыну, что „Горе от ума“ прямой пасквиль на Москву. Потомъ послѣдовало донесеніе въ Петербургъ, что комедія колеблетъ основы, возбуждаетъ недовольство дворянскаго сословія и т. п. Послѣ этого не помогли Гр. и ходатайства вліятельныхъ лицъ, какъ напр. Паскевича, родственника Гр. Комедія его не разрѣшена была для представленія на сценѣ. Лишь на частныхъ представленіяхъ ея Гр. видѣлъ ее нѣсколько разъ ¹⁾.

ностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему либо высшему? Какъ при томъ, съ какой стати сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не можетъ меня утѣшить? Ахъ, прилична ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукописаній?!

¹⁾ Первый разъ въ маѣ 1825 г. въ Петербургѣ, когда Каратыгинъ вмѣстѣ съ учениками и ученицами хотѣлъ поставить ее на сценѣ театральнаго училища, Гр. пріѣзжалъ на репетиціи и давалъ совѣты актерамъ. Но спектакль не состоялся, вслѣдствіе запрещенія гр. Милорадовича, имѣвшаго съ Грибоѣдовымъ свои счеты. Во второй